

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Н. С. БОНДАРЬ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
- ВАН ХУНЦЗЯ писатель, заместитель председателя Комитета очерковой литературы Китайской ассоциации писателей (Пекин)
- Ш. ВЕБЕР научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии в области математической экономики
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–2001), доктор социологии, профессор
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ независимый журналист, продюсер (Великобритания)
- А. А. ГРОМЫКО профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- В. ИНГИМУНДАРСОН профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии
- Г. КАСУЛИДИС Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Кипр в РФ
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. Б. КУДЕЛИН директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- В. В. МИРОНОВ декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- М. Ф. МОНТЕС старший советник по вопросам финансов и развития межправительственной организации «Южный центр» (Женева, Швейцария), доктор экономики
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- В. В. НАУМКИН директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

В. Ф. ПЕТРЕНКО	заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции
В. ПРОДАНОВ	член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
А. В. СМИРНОВ	заместитель директора, заведующий Сектором философии исламского мира Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук
В. А. ТИШКОВ	академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
Ж. Т. ТОЩЕНКО	декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Отдела медийных и массовых искусств Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
А. О. ЧУБАРЬЯН	директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Глубокоуважаемые коллеги, позвольте приветствовать всех вас, участников Международных Лихачевских научных чтений.

Напомню, что Чтения в государственном статусе проводятся сегодня в 14-й раз. А история их проведения берет свое начало в 1993 году, когда они задумывались и начинались по инициативе академика Дмитрия Сергеевича Лихачева как Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Дмитрий Сергеевич Лихачев был в числе первых авторов, докладчиков Чтений. До самого ухода из жизни он внимательно следил за их программой, материалами, результатами, давал советы. И совершенно естественно, что после ухода Дмитрия Сергеевича из жизни мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к Президенту Российской Федерации Владимиру Путину с просьбой о принятии ряда мер по увековечиванию памяти нашего выдающегося современника. И нужно сказать, что это совершенно необычный случай, когда Указ, посвященный не каким-то чрезвычайным событиям, не военным действиям, не стихийным бедствиям, а совершенно мирному вопросу об увеко-

вечивании памяти академика Лихачева, был подписан Президентом РФ за три дня. В результате с 2001 года мы проводим Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов как Международные Лихачевские научные чтения.

Мне приятно отметить, что этот зал в последние 5–7 лет уже не может вместить всех желающих. Завтра, когда мы с вами будем работать на секционных заседаниях наших Чтений, в этом зале соберутся примерно 750 человек. Это старшеклассники и их учителя из России и зарубежья — участники творческого конкурса школьных научных работ, посвященных научному и нравственному наследию Дмитрия Сергеевича Лихачева. Таким образом, уже по многолетней традиции Международные Лихачевские чтения в эти дни собирают порядка полутора тысяч человек.

Я как ректор, конечно, хочу поприветствовать здесь ученых мирового уровня, выдающихся мыслителей, общественных деятелей, деятелей культуры и искусства, специалистов-практиков, представителей наших учредителей — профсоюзов. Думаю, в этом зале примерно 80 % присутствующих — это члены российских

профсоюзов, что мне как руководителю профсоюзного вуза приятно. Хочу особо поприветствовать наших зарубежных гостей. По традиции каждый год в Чтениях участвуют представители 20–30 других государств. Мы дорожим таким вниманием к нашей конференции и рады, что, несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку, данный год не стал в этом смысле исключением. Здесь присутствуют сегодня и представители Академии наук Украины, и представители научного сообщества Польши, и представители научного мира Евросоюза, Соединенных Штатов Америки, Азии и т. д. Не буду говорить обо всех странах, регионах и континентах. Все это говорит о том, что мы здесь занимаемся действительно важным делом — делом, пожалуй, планетарного масштаба, важным для людей всего мира. И в этом смысле мы, несомненно, являемся продолжателями традиций, заложенных Дмитрием Лихачевым.

Конечно, после ухода из жизни Дмитрия Сергеевича на протяжении всей истории проведения Чтений начиная с 2000 года у нас был целый ряд секций, посвященных непосредственно его наследию. Но думается, что важно унаследовать дух. И в связи с этим хотелось бы сказать о логике творчества Дмитрия Сергеевича Лихачева. Вы знаете, что вся судьба, вся научная биография Дмитрия Сергеевича Лихачева тесно связаны с изучением проблем медиэвистики, русской литературы Средних веков. Дмитрий Сергеевич с университетской скамьи занимался этой научной проблематикой, и вся его жизнь и деятельность в этом направлении связаны с Пушкинским Домом. И совершенно не случайно сейчас Пушкинский Дом проводит филологические конференции, посвященные памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. Они приурочены к его дню рождения и проходят, если я не ошибаюсь, раз в два года. Мы по инициативе академика Лихачева проводим здесь Дни науки, приуроченные ко Дню славянской письменности и культуры, Дню святых Кирилла и Мефодия, выдающихся просветителей, создателей алфавита, которым мы пользуемся.

Так вот, постепенно по ходу своей филологической деятельности Дмитрий Сергеевич ощущал необходимость постановки конкретных научных результатов, полученных в Пушкинском Доме, в значительно более широкий культурный контекст. Сначала это было связано с потребностями исторической датировки тех или иных артефактов, рукописей, потому что то, что изучал Лихачев, как правило, не имело авторства, то есть не было известно, кем написана та или иная рукопись. Тогда стоял вопрос и о временной идентификации тех или иных литературных источников русской культуры. Вы знаете, насколько это сейчас непростой вопрос, сколько было споров, дискуссий даже вокруг «Слова о полку Игореве» и т. д. Поэтому Лихачев не всегда мог сразу выяснить, где исходная летопись, где ее переписи, более поздние варианты, манускрипты, написанные через много лет. И он был вынужден сопоставлять данные раскопок археологов с данными нумизматов, историков и других, таким образом выходя на более широкий научный контекст. Но наступил момент, когда академик Лихачев, решая конкретные науч-

ные задачи, стал все шире заниматься проблематикой культуры в целом: проблемами петербургской архитектуры, садов, проблемами того, как древнее русское зодчество прорастало, например, в архитектуре Петербурга. А у нас в Университете 19 мая 1993 года на своем посвящении в Почетные доктора Дмитрий Сергеевич прочел лекцию «Петербург в истории русской культуры», в которой отметил, что Петербург «самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов». Это уже далеко не филология.

Анализируя творчество Лихачева уже сейчас, в этом веке, мы с уверенностью можем назвать его одним из величайших культурологов. Он является создателем новаторской, оригинальной, яркой, изобилующей плодотворнейшими идеями теории культуры. Сегодня журналисты меня спрашивали перед началом нашей встречи: «А Лихачев — это наше прошлое, настоящее или будущее?». Могу ответить, что Лихачев — это представитель той великой фундаментальной российской науки, которая создается Российской академией наук. Эта фундаментальная наука является и должна являться основой построения и дальнейшего общественного и государственного развития нашей страны. Я думаю, что Лихачев — это и наше прошлое, и наше настоящее, и наше будущее. В связи с этим можно считать, что все мы здесь — продолжатели дела Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Я благодарю вас за внимание и приглашаю к микрофону Михаила Борисовича Пиотровского. Надо сказать, что по поручению Лихачева и Гранина в 1999 году я официально зарегистрировал Конгресс петербургской интеллигенции, который сегодня возглавляет этот человек. Михаил Борисович, прошу Вас.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ¹: — На прошлой нашей встрече я говорил о том, что так складывается ситуация, что интеллигенция опять может быть очень востребована. Она действительно опять востребована и, оказывается, опять очень нужна России, и урок Дмитрия Сергеевича тут тоже важен. Он умел очень хорошо, динамично реагировать на те изменения, которые происходили в культуре. Мир меняется — это естественно, но меняется и культура, меняются некие реакции, и понимание некоторых вещей связано с культурным диалогом. Я хотел бы привести несколько примеров из моей нынешней сферы — музейной. Недавно в Париже в Гран-Пале открылась очередная выставка из серии монумента. Там проводятся самые крупные

¹ Директор Государственного Эрмитажа, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Исторические предания в России», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее Средневековье. Становление средневекового общества», «Взгляд из Эрмитажа», «Обретение двух святых. Футух аль-харамайн» и др. Член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, член Совета по науке при Президенте РФ. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток». Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней, многочисленными зарубежными орденами. Лауреат премии Президента РФ в области культуры и искусства. Почетный гражданин Санкт-Петербурга.

выставки в Париже. Это выставка Эмили и Ильи Кабаковых «Странный город». Это очень интересные, самобытные художники, единственные русские художники, которые сейчас входят в первую десятку в мире, я не говорю — самые дорогие и все остальное. И хотя уже много лет они живут в Соединенных Штатах Америки, но всегда идентифицируются с Россией, в каком-то смысле являются неким знаком России.

Надо сказать, что наше сегодняшнее событие тоже можно рассматривать в этом смысле. Но другое — некая эволюция того, что происходит. Сегодня Кабаков воспроизводит, условно говоря, эстетику советского быта, коммунальные квартиры и т. п. Когда он жил в России, это творчество воспринималось в Советском Союзе как некая антисоветчина — как все плохо в стране, это была некая критика окружающей действительности. Но постепенно, к тому моменту как он стал творить уже на Западе и оперировать примерно тем же художественным языком, все это стало больше восприниматься как нечто общее и стало доставлять людям удовольствие как некая ностальгия по тому миру, из которого он вышел. Она такая неявная, но безусловная. В каком-то смысле это та ностальгия, которую мы испытываем, но она такая, я бы сказал, более эстетическая, интеллигентная. В целом все превратилось в некие общемировые эстетические размышления о сути, смысле жизни людей, исходя из того же художественного языка, который был создан в нашей стране в течение XX века. Такой совершенно ожидаемый, нормальный, правильный поворот с интересными аспектами.

Гран-Пале — это огромный зал, где Кабаковы построили странный город, весь белый, как города юга Сахары, которыми восхищался Корбюзье. Там есть павильоны, в которых представлены таинственные города, таинственное искусство. Есть павильоны, напоминающие космические станции. То есть два-три павильона посвящены как бы ушедшей цивилизации. Есть павильон, посвященный ангелу, к которому на самом деле все это космическое стремится. Все это такой полубыт, переходящий в глубокую философию. На самом деле все это оказывается таким памятником, может быть, самому главному, что Россия дала миру в XX веке, — нашей космической философии, космическому искусству и освоению космоса. Это та линия, которая полностью оказалась рожденной в России: философия Федорова, Циолковского, космизм в искусстве, в поэзии, в живописи и освоение космоса как совершенно конкретное явление. Это все вместе получается как размышления и одновременно гимн тому, что Россия внесла в мировое искусство. Вроде бы все то же самое, один и тот же диалог, но это диалог, который меняет свой смысл.

И еще мы собираемся в этом году провести в Петербурге фестиваль современного искусства «Манифеста», сейчас идет подготовка, правда с большими скандалами. В мире есть несколько престижных фестивалей современного искусства. Самый престижный — Венецианская биеннале, второй — «Документа» в Касселе и третий — «Манифеста», это, так сказать, путешествующий по Европе фестиваль современного искусства. Впервые он должен был приехать из Европы и восприниматься как некий диалог Европы

и России в сфере современного и классического искусства. Проходить все это будет в Эрмитаже. А теперь оказывается, что в нынешней обстановке он приобретает значительно более серьезный смысл — становится рассуждением о территории искусства, о сакральности этой территории, о том, как мы должны сохранять территорию культуры и искусства и оберегать ее от внешних влияний, вернее от использования в решении внешних проблем.

В этом году все сложилось совсем не так, как обычно. Мы готовим фестиваль, никаких особых рассуждений о том, что там будет, не ведется, и проблем с этим нет. Большая часть проблем связана с попытками бойкота. Сначала были попытки со стороны гомосексуального сообщества, которые мы, в общем-то, приостановили. Потом в связи с политическими событиями вокруг Украины тоже были призывы не участвовать в «Манифесте». И тех, и других попыток бойкота нам удалось избежать благодаря простому рассуждению: когда речь идет об искусстве, его нельзя использовать ни с той, ни с другой стороны. С одной стороны, у нас есть цензура, которая обеспечена таким количеством законов, что уже никакой цензуры не надо, просто все должно находиться в рамках законов. С другой стороны, во избежание попыток провокационно-политически использовать художественные события мы должны показать пример и провозгласить некий манифест, что есть территория искусства, где есть свои законы. И эти законы ни справа, ни слева не должны нарушаться на этой территории. Это сакральная территория, куда приглашен зритель, но эта территория не опускается до уровня зрителя, а, наоборот, поднимает его до себя.

У культуры свои законы, которые отличаются от других. Об этом говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Мы безуспешно пытаемся, так сказать, внести в официальные тексты нашу «Декларацию прав культуры». Нам постоянно отвечают, что права бывают только у людей, а у культуры прав быть не может, как и всего остального. Но мы постепенно все вместе в разных сферах пытаемся доказывать, что у культуры есть права, есть особенные характерные черты, которые могут не совпадать ни с политическими декларациями, ни с правами человека, ни с правами природы, ни с правами нации. Они особые, и это создает особый мир, сакральную территорию. На всякой сакральной территории происходят важные события, на сакральной территории существует мир, на сакральную территорию приходят для того, чтобы договариваться. Территория искусства, территория культуры сегодня — это замечательный мост, на котором происходят диалоги, и если многие другие мосты, так сказать, могут шататься, то наш мост должен существовать всегда. Я думаю, что это главный завет Дмитрия Сергеевича всем нам. Диалог культур в самом широком понимании должен происходить, и он, может быть это сейчас самое главное, нуждается в определенной защите и заботе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Борисович. Слово предоставляется профессору Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Прежде всего позвольте поблагодарить Александра Сергеевича Запесоцкого за это начинание, потому что благодаря именно его усилиям Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов действительно превратился в настоящую Мекку гуманитарного знания, причем не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Мне хотелось бы несколько слов сказать о том, что гуманитарное знание, безусловно, очень важная составляющая жизни нашего общества. Но я хотел бы сказать не о вкладе гуманитариев, а о вкладе ученых естественного профиля в гуманитарную науку, потому что они всегда ставили большие, важные проблемы. И буквально несколько штрихов в историческом аспекте, поскольку Россия явилась основателем, основоположником явления, о котором сейчас говорят уже применительно к самой России со стороны Запада. Я хочу сказать, что Петр I — «изобретатель» утки умов. Это он первым придумал, когда переписывался с Лейбницем, как создать в России Академию наук, университет и гимназию при ней, на какой основе в отсталой, крепостной стране это сделать, не имея специалистов. Поскольку богатая знать уже тогда своих детей стала посылать за границу — например, сын Екатерины Дашковой и многие другие учились в Англии, Германии, Швейцарии, где воспитывалась будущая интеллигенция, будущая правящая элита.

Алексей Разумовский, фаворит Елизаветы Петровны, своего младшего брата Кирилла в 14-летнем возрасте специально послал сначала во Францию, потом в Германию. Мальчик за четыре года освоил пять языков, получил знания, и, вернувшись, в 18 лет был назначен президентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Он пробыл на этом посту 52 года. Вот так решались вопросы, и поэтому 11 первых избранных академиков были иностранцами. И за весь XVIII век в Академии работали 84 иностранца и 28 отечественных специалистов, что послужило основой конфликта, который разрешился уже позже, в XIX веке. Петр I, основывая Академию, университет и гимназию, писал: «Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть и при жизни нашей, пристыдят все просвещенные народы своими успехами в науках, неутомимостью в трудах и величием твердой и громкой славы».

Когда Михаил Васильевич Ломоносов вернулся из Германии в 1741 году, он стал академиком, долгие годы возглавлял гимназию и канцелярию, а в последующие годы жизни был ректором университета. В то время существовала дилемма: откуда брать учеников? К его приезду на 17 академиков было по 3 ученика. Богатые вельможи по-прежнему посылали детей за рубеж, а крепостные не могли отдавать детей учиться даже на родине. Поэтому в 1766 году университет был закрыт, в 1805-м ликвидирована гимназия, но Академия выжила. У Ломоносова как гуманитария в этом плане было свое представление. Он писал тогда, в крепостной России, будучи ректором: «Тот студент почтеннее, кто больше разумеет. А чей он сын, в том нет нужды». Из Академии убрали гуманитарное знание, философские науки. В 1783 году при Екатерине II про-

изошли два великих события — основание Севастополя и открытие Российской академии (для создания словаря русского языка). Через 58 лет, в 1841 году, эта академия влилась в Императорскую Санкт-Петербургскую академию наук.

Кто был главным постановщиком гуманитарных проблем в эмансипации женщин? Николай Иванович Пирогов — всемирно известный хирург. На Западе женщины сами боролись за свои права, в России за права женщин боролись мужчины. Это продолжили Боткин, Павлов, Мечников. Нобелевский лауреат Илья Ильич Мечников, будучи уже в Париже, где он проработал 28 лет, говорил, что «естествоиспытатели... должны не пожирать, фагоцитировать друг друга, а помогать и кооперироваться, как фагоциты и антигела». И первый наш лауреат Нобелевской премии Иван Петрович Павлов в 1904 году, когда получал ее, произнес: «Спасибо науке! Она не только наполняет жизнь интересом и радостью, но дает опору и чувство собственного достоинства». А спустя 25 лет, в 1929-м, стартовала первая пятилетка. Академию наук задвигают на задний план, создается Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР наряду с социалистической, а затем и коммунистической академией. Академия наук все же устоит и будет развиваться. Но в период этого хаоса 25 декабря 1929 года в Академии наук на Университетской набережной, д. 5, проводилось торжество, посвященное 100-летию со дня рождения Ивана Михайловича Сеченова, где присутствовало все руководство новой власти. И. П. Павлов там выступал с речью. Во время доклада он вдруг он перестал говорить и обратился к портрету Сеченова: «О высокая, так строгая к себе тень! Как бы ты страдала, если бы в живом человеческом обществе оказалась сейчас между нами. Мы живем под гнетом жесточайшего принципа: власть, государство — все, частная жизнь — ничто. Но на таких принципах, господа, не то что культурного государства, вообще ничего не построишь, несмотря ни на какие “Днепрострой” и “Волховстрой”». Власти, конечно, приходилось реагировать, кривая постепенно становилась прямой, и с 1930 по 1941 год финансирование Академии наук увеличилось в 25 раз.

И завершить свое выступление я хочу словами еще одного выдающегося ученого Алексея Алексеевича Ухтомского — петербуржца, петроградца, ленинградца, который не покинул блокадный Ленинград и умер 31 августа 1942 года. Он писал: «Весь трагизм человеческого существования заключается в том, что ни у кого из нас с вами, будь вы академик, налетчик или студент, нет никакого портативного сиомиунтного критерия истины. И часто в неправильности наших поступков мы убеждаемся только тогда, когда это неправильно уже подействовало на нашу кожу. Ведь как часто то, что издали нам кажется плачущим ребенком, вблизи оказывается тоскующим крокодилком. Но мы-то с вами не пассивные наблюдатели, мы активные участники бытия и наше поведение — труд». Вот к этому я хочу призвать всех. Обращаясь к портрету Дмитрия Сергеевича Лихачева, хочу сказать, что этот корифей науки, которого мне довелось видеть и слышать

и на заседаниях Президиума Академии наук, и на общих собраниях Академии, пользовался всеобщим уважением и почтением. Он вполне относится к разряду великих людей мира, о которых Лев Николаевич Толстой писал: «У великих граждан мира не должно быть даты смерти, только дата рождения, потому что они уходят от нас не в прошлое, а в будущее, и уходят лишь только для того, чтобы остаться навсегда». Таков Дмитрий Сергеевич Лихачев.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Валерий Александрович. Уважаемые коллеги, здесь собрались представители разных отраслей научного знания и сфер деятельности. Надо сказать, что на межгосударственном уровне и уровне Организации Объединенных Наций проблематика диалога культур была впервые наиболее четко представлена Испанией, Турцией и рядом арабских стран. В развитии этой проблематики, во включении ее в поле зрения мирового сообщества особую роль сыграла Испания и ее премьер-министр, который находится в этом зале. Этот человек семь лет (с 2004 по 2011 г.) являлся премьер-министром Испании. Это наш Почетный доктор Мигель Анхель Моратинос.

МИГЕЛЬ А. МОРАТИНОС: — Несколько лет назад я имел честь быть удостоенным звания Почетного доктора этого Университета. И во время церемонии вручения мне мантии и диплома я понял, что это большая ответственность — разделять дух этого Университета, дающего знания социальных и гуманитарных наук. Это высокий дух Дмитрия Лихачева, которым пропитан этот зал. И вот уже 14 лет мы собираемся здесь для того, чтобы обсудить его идеи, установить диалог между культурами. Десять лет назад европейское правительство выступило с важной инициативой и представило ее всем членам Евросоюза. Это случилось уже давно, но кажется, что произошло только вчера. Но мы здесь собрались не для того, чтобы разговаривать о прошлом, а для того, чтобы обсудить настоящее и подумать о будущем. Сегодня мы видим и слышим, как наука и технологии делают открытия, которые преобразуют мир, и мы сталкиваемся с новым порядком международных отношений, мировым порядком в целом. Таким образом, мы можем освоить эти новые открытия в экономике, технике, связи, информационных технологиях.

К сожалению, наши политические лидеры, дипломаты, которые работают на международном уровне, не понимают, что мир уже изменился. А мы знаем, и вы, студенты, знаете, и ваши профессора знают, что мир уже не тот. Но некоторые лидеры собираются убедить нас в том, что все по-старому и мы должны смотреть назад и возвращаться к старому духу холодной войны, или даже к холодному миру, будем называть его так, к старому миропорядку. Мир изменился, и мы должны это обсудить. Для чего мы собрались? Мы собрались для того, чтобы продвигать новые идеи, новые инициативы или чтобы использовать традиционные способы решать проблемы, которые мы знаем наизусть? Сто лет назад мы вели Первую мировую войну и снова повто-

рили ошибки во Второй мировой войне. И сейчас мы должны решить, как дальше будем вводить изменения: только через конфликты, кровопролитие и войны или все же через науку, новые инициативы и мысли? Вот для чего мы собрались здесь у портрета господина Лихачева.

Мы должны следовать этому духу, применять принципы международного демократического порядка, учитывать наши различия в культуре и использовать их на благо. У нас должны быть инструменты нового мира и умение их использовать для того, чтобы решать спорные вопросы. Мы живем в XXI веке, но и сейчас происходят вещи, которые не укладываются в голове. Например, недавние события в Африке, где были похищены и увезены в неизвестном направлении 200 с лишним нигерийских девочек. Известно только, что это связано с религиозным фанатизмом. Эта цивилизация не может воспитать уважение, толерантность, терпимость в диалоге. Мы не можем этого допустить.

На этой конференции мы должны прийти к выводу, что нам всем здесь собравшимся необходимо взять на себя инициативу и призвать международное сообщество к интеграции, консолидации. Мы, российская и испанская дипломатия, можем заложить основы строительства новой цивилизации. Десять лет назад мы запустили этот проект, у нас хватило смелости начать инициативу, а сейчас это уже не просто инициатива, это наша обязанность. Мы собрались все вместе на этих Чтениях для того, чтобы подумать о будущем, старое уже ушло. Мы должны думать о будущем, потому что студенты, которые здесь сидят, достойны лучшей жизни. Мы должны понимать, что мы не заслуживаем того, чтобы нас снова ввергли в темные времена истории.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Моратинос. Я приглашаю на эту трибуну академика Валерия Александровича Тишкова.

В. А. ТИШКОВ: — Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения культурной эволюции — все больше в сторону культурной сложности или в сторону унификации. Скорее всего, имеет место и то, и другое в материальном плане. По современным гаджетам, по тому, как одевается, живет, на чем передвигается человек, сегодня трудно определить, в какой культуре живет, в какой традиции действует, на каком языке говорит тот или иной гражданин нашей страны или даже человек мира. И в то же время мы видим, что различия в культуре в целом значат не меньше, чем ресурсы. Была знаменитая дискуссия, даже две книги вышли. Одна называлась “Culture counts, resources decide” («Культура значит, но все решают ресурсы»), а потом вышла другая книга — “Resources count, but culture decide”, то есть «Ресурсы значат, но все решает культура». И мы действительно видим, как целый ряд обществ, государств, имея богатейшие ресурсы, не смогли их использовать для благополучия своих граждан, обеспечения стабильных и счастливых сообществ. В этом отношении мы приходим к выводу, что мир будет сохранять свое культурное разнообразие, мы никогда не будем

одинаковыми. Так же как трудно себе представить лес или поле из однотипных деревьев или травинки. Если мы станем одинаковыми, то это будет социальная энтропия, смерть человечества. Мы перестанем быть интересными друг другу, перестанем развиваться, и тогда прекратится диалог и остановится процесс взаимного обогащения ценностями, хозяйственным и духовным опытом и т. д. Поэтому и увеличивается культурная сложность современных наций, государств.

В мире нет особенно крупных монокультурных государственных сообществ, современных наций, будь это Российская Федерация, Украина или малая страна типа Ямайки, на валюте которой написано "From many one people" — «Из многих один народ». Я уж не говорю о таких гигантах, как Индия, Китай, Индонезия и т. д. И здесь встает ряд очень важных вопросов для нас, специалистов в области гуманитарной науки. Как обустроить эти культурно-сложные общества? Где та формула наиболее эффективного управления, обеспечения согласия гражданского мира и в то же время удовлетворения тех прав, запросов, которые связаны с принадлежностью человека к той или иной особой культуре? Будь это общегосударственная, общенациональная культура или партикулярная этническая традиция, приверженность к современной массовой глобальной культуре. Все эти три потока сегодня перемешаны и взаимообогащают друг друга.

Некоторые государственные сообщества пытаются построить некие монокультурные государства, называя их национальными по старой советской неправильной, кстати говоря, традиции в понимании, что такое национальные государства как монокультурные государства, где этнические границы якобы должны совпадать с государственно-административными. Эти общества наталкиваются на кризис и порой переживают крах или распад, и наша соседка Украина в последнее время показывает этот печальный пример. После распада СССР в 1991 году нам казалось, что образовались 15 государств: 14 из них национальные и только Россия не до конца самоопределилась и решила сделать федерацию, но рано или поздно и она пойдет по второму кругу дезинтеграции. На самом деле все произошло в какой-то мере даже наоборот. Именно федеративные устройства больших и сложных государств гарантируют целостность, это некая прививка от сепаратизма. А попытка навязать этнонационалистическую форму государственного устройства, принизить, а иногда и третировать и дискриминировать носителей других культур, других языков или традиций рано или поздно приводит к кризису.

Проходит 10, 20 лет, и люди понимают, что если они платят налоги и больше половины в столице государства, скажем в Риге, говорят на русском языке, а национальные декларации им присылают на латышском, то рано или поздно они прекратят заполнять эти декларации и потребуют, чтобы власть, бюрократия говорила на языке их культуры, а не наоборот. Граждане не стали бы учить язык бюрократии. Мне кажется, эти простые вещи мы недостаточно понимаем. Мы должны быть здесь более гибкими и понимать, что по мере осознания, по мере политической самоорганизации, по мере

как бы самоопределения на индивидуальном и групповом уровне эти вопросы встанут сегодня во всем мире. Существует масса всяких деклараций: о правах меньшинства, о самоопределении, о гражданских правах. Мы как международные сообщества не выработали каких-то единых критериев для всего мира, в частности вопрос, связанный с сохранением суверенитета современных государств и одновременно с проблемой самоопределения.

Изучая эти вопросы последние 20–30 лет, я пришел к выводу, что наиболее полная, глубокая формула самоопределения — это не отделение или создание какого-то своего государства с одной монокультурой, а право на участие как можно в более широком общественно-политическом процессе носителей той или иной культуры, традиции языка. То есть это прежде всего внутреннее самоопределение в более широком сообществе. И в этом отношении те страны, которые проводят и политику государственного устройства, и политику толерантности, поддержки культурного многообразия, выигрывают, развиваются и обеспечивают мир и стабильность.

Внутреннее самоопределение имеет две различные формы. Наша страна прошла и то, и другое. Первая форма: этнотерриториальная автономия, то есть компактные сообщества, обладающие своей идентичностью, культурной спецификой, настаивают и получают право на особый статус внутри государства как единицы большой федерации или конфедерации, здесь разные варианты — от Канады и Испании до Китая. Вторая форма: экстерриториальная национальная культурная автономия для сообществ, граждан тех или иных государств, которые живут дисперсно в рамках большой страны, но тоже нуждаются в том, чтобы сохранить свой язык, культуру. И это реальность. Это не просто федерализм, который мы унаследовали от Советского Союза, это мировая практика. И я уверен (20 лет об этом говорил), что федерализм и официальное двуязычие — это то, что спасет, обеспечит в будущем единство Украины, и не только Украины, а возможно и Латвии, Молдовы и Казахстана, где рано или поздно этот вопрос встанет. Сегодня для Украины он стоит очень остро.

Культурные различия оказались важнее, чем очень многие вещи, о которых мы думали до этого или в которые верили. Еще раз повторю, что, к сожалению, опыт последних лет показывает, что нет каких-то единых принципов, определяющих, кто имеет право на этнотерриториальное или экстерриториальное внутреннее самоопределение. Опыт Чечни показывает, что то сообщество, у кого на стороне оказалось больше ресурсов, которое лучше организовалось, имеет большую, так сказать, степень политической организации, смогло обеспечить себе внешнюю поддержку. То сообщество, которое как бы доказало свою самость, легитимность и способность управлять самим собой, организовывать свое общество, и получает право на самоопределение. Но, к сожалению, внешние факторы и геополитические преграды очень часто берут верх. Хотя это тоже ненадолго.

И последнее, что я хотел бы сказать: не обязательно глубокие так называемые цивилизационные различия становятся причиной напряженности конфликтов,

иногда малые культурные различия могут стать причиной больших конфликтов. Когда мы слышим некоторые эмоциональные высказывания, такие как: «Мы — народы-братья, никогда не воевали, никогда не будем в ссоре», к этому нужно относиться достаточно настороженно. Мы видели, как фактически один народ, говорящий на одном сербскохорватском языке, распался на пять государств и устроил у себя жесточайший внутренний конфликт с массой жертв. Поэтому даже малые культурные различия заслуживают уважения и внимания. И мы как специалисты должны быть здесь на страже и обеспечивать прежде всего диалог культур и взаимодействие, а не их соперничество и конфликт.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, с 2007 года Международные Лихачевские чтения проходят при официальной поддержке Министерства иностранных дел РФ. Я хочу предоставить слово его представителю Геннадию Михайловичу Гатиллову.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Искренне рад в очередной раз участвовать в Международных Лихачевских научных чтениях. За прошедшие годы форум значительно укрепился, занял достойное место в ряду крупных международных площадок своего профиля и превратился, по сути, в конструктивную дискуссионную платформу по вопросам диалога культур и цивилизаций. А это в нынешний момент крайне необходимо. Мы действуем на государственном, межправительственном уровне, но в своей работе опираемся на мнение гражданского общества, научных кругов, и поэтому то, что говорится в рамках Лихачевских чтений, помогает и в выработке нашей линии, наших подходов к международным проблемам. А их число, как вы хорошо знаете, увеличивается, и многие из них становятся крайне острыми. Наша задача состоит в том, чтобы наладить неконфронтационный обмен мнениями и идеями и в результате осмыслить те процессы, которые происходят в современном мире. Они свидетельствуют о том, что обостряется конкуренция между ценностными ориентирами и моделями развития различных государств и их объединений. Считаю, что безальтернативным является коллективный подход к решению существующих проблем. Нет однополярного мира, он изменился, и сейчас уже ситуация не та, когда какие-то страны могут навязывать другим свой образ действий, свои принципы и свое видение развития в мире. А когда у нас есть понимание того, что мы должны действовать сообща, то нам удается находить решение острых конфликтных проблем в различных ситуациях.

В качестве примера могу назвать наше партнерство с западными коллегами по таким важным вопросам, как, например, химическое разоружение Сирии. Это сложная проблема, но нам удалось выйти, в том числе с американцами, на общее понимание важности ее решения. Мы вместе запустили международную конференцию по Сирии. Дело движется сложно, тем не менее начало положено и надо надеяться, что это движение будет продолжено. Мы вместе работаем над урегулированием иранской ядерной проблемы и над целым

рядом других вопросов. Таким образом, когда существует общее понимание важности этих проблем и необходимости их коллективного решения, нам удается находить общий язык с нашими партнерами. Но, когда предпринимаются попытки решать какие-то проблемы в одностороннем порядке, то это ведет к политизации, конфронтации, выражается в отсутствии желания учитывать мнение партнеров и их интересы, и тогда все эти проблемы только обостряются.

В силу этого необходимость эффективного поиска ответов на глобальные вызовы становится императивом для современного периода межгосударственных отношений, что, в свою очередь, делает более актуальной задачу развития не только классической межгосударственной политики, но и парламентской, общественной, экономической и культурной дипломатии. И, конечно, большую отдачу могли бы принести усилия по налаживанию межрелигиозного диалога. Мы, кстати, над этим работаем, пытаемся данный вопрос активно поднимать в рамках ЮНЕСКО с прицелом использования ее как площадки в вопросах предотвращения столкновения цивилизаций и возникновения различных форм экстремизма. К сожалению, есть и другие примеры, когда нам не в полной мере удается это сделать. Вот один из них: мы уже много лет в рамках Организации Объединенных Наций инициируем проекты резолюции о недопустимости героизации нацизма. И из раза в раз, каждый по своим причинам наши западные коллеги или воздерживаются, или отказываются ее поддерживать. И все это в конечном счете приводит к тому, что фашизм поднимает голову, примеры чего все мы наблюдаем в последнее время.

Я не хочу сказать, что отказ от поддержки этой резолюции напрямую связан с теми явлениями, которые происходят на Украине, но все же надо признать, что в определенной степени это рассматривается украинскими фашиствующими кругами как поддержка и возможность продолжать то, чем они занимаются, действуя все активнее. Поэтому напрашивается вывод, что страны Запада, отвергая нашу инициативу, на деле потворствуют таким явлениям. А отсюда и рост нетерпимости, антисемитских настроений и т. п. Последние исследования, проведенные неправительственной организацией «Антидиффамационная лига», зафиксировали тревожные показатели распространения в мире подобных тенденций. Причем лидируют в этом отношении страны и Западной, и Восточной Европы, что выглядит, конечно, удручающе. Международные площадки созданы для того, чтобы объединять людей и совместными усилиями искать ответы на вызовы глобализации.

Еще один пример: ЮНЕСКО, казалось бы, неполитизированная организация, которая призвана заниматься гуманитарными, научными и культурными проблемами, развивать через культурную составляющую диалог между государствами на неполитизированной основе. В то же время мы видим, что в последнее время предпринимаются попытки политизировать деятельность этой организации, и вместо того, чтобы заниматься тем, чем ей положено по уставу, туда приносятся политизированные резолюции, например по той же крымско-украинской тематике, что явно не идет

на пользу развитию сотрудничества в рамках этой международной площадки. Поэтому я хочу еще раз подчеркнуть, что когда есть желание работать вместе, искать диалоговые формы, развивать сотрудничество, то у нас и появляются конкретные результаты. Если этого не происходит, то, к сожалению, мы наблюдаем сбой в нашем сотрудничестве.

Я думаю, что Лихачевские чтения и другие подобные форумы, где происходят свободный обмен мнениями, диалог по вопросам культуры, развитию цивилизационных отношений, способствуют тому, что является основа для переноса этих идей и на межгосударственный уровень. Поэтому в мире высоко ценят и поддерживают площадку Международных Лихачевских научных чтений и рассматривают ее как кузницу интеллектуальных идей по решению общих проблем современности на основе диалога и партнерства.

Желаю всем участникам и гостям Лихачевских чтений плодотворной дискуссии. Надеюсь, что в результате обмена мнениями появятся конкретные предложения, которые мы будем учитывать в своей практической работе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в адрес Оргкомитета Чтений поступило много приветствий от представителей власти, научного сообщества и международных органов. Мы получили телеграммы, в частности, от министра культуры РФ В. Р. Мединского, от председателя Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкина. Прочту несколько строк, чтобы была понятна общая тональность: «Имя Дмитрия Сергеевича Лихачева и в России, и за ее пределами стало олицетворением глубоких нравственных начал нашего народа. «Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание... являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн, — писал академик Лихачев»». Это цитирует в своей телеграмме Дмитрий Анатольевич Медведев.

Вот еще одно приветствие: «Идеи Лихачева как никогда актуальны в современной ситуации, когда развивается диалог культур, интенсифицируется и обретает новые формы партнерство цивилизаций. Это очень сложные и неоднозначные по своей природе и результатам процессы, пониманию которых во многом способствует работа Дмитрия Сергеевича Лихачева и его последователей». Это я процитировал приветствие Генерального директора ЮНЕСКО госпожи И. Боковой. От имени наших Чтений я хотел бы выразить признательность всем тем, кто направил нам эти приветствия. Спасибо.

Я не могу не сказать несколько слов о нашем следующем выступающем. Это выдающийся историк, изучающий историю Европы XX века, с которым мы вчера говорили о том, может ли быть единый, единственный учебник истории у нас в России. Конечно, книг, монографий по истории множество, а может ли быть один учебник? И в наших дискуссиях многие говорили, что нет, что учебников должно быть много. А я думаю, что учебник может быть и один, если авторский коллектив возглавляет наш Почетный доктор, академик Александр Оганович Чубарьян.

А. О. ЧУБАРЬЯН: — Мы присутствуем сейчас при «буме» исторического знания, причем и в нашей стране, и во всем мире. Я просто не припомню такого периода, когда истории уделялось бы такое внимание и она занимала бы умы самых широких слоев населения. И в этом смысле мы очень нуждаемся в наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева, который много говорил не только о диалоге культур и цивилизаций, но и о культуре диалога. А это сейчас в мировой исторической науке, вероятно, одно из основных направлений. Александр Сергеевич сейчас упомянул о работе над учебником. Я занимался этим по поручению президента последние полгода и должен вам сказать, что получил в общей сложности более тысячи писем со всей России с предложениями, оценками истории. Они были разные, что свидетельствует о том, что интерес к этому вопросу очень большой. В разных странах сейчас есть международные и национальные проекты под названием «Историческая память». И дискуссии порой принимают очень острый характер.

В нашей стране, как и в середине XIX века, возродилось противостояние в понимании российской или русской идентичности, которое иногда принимает весьма острые формы. Мы возвратились к спорам, касающимся идей происхождения древнерусского государства. У нас идут довольно активные и часто бескомпромиссные дискуссии относительно истории нашей страны в XX столетии: что такое советское общество, как оценивать советский строй. Возникли разные подходы к русской революции 1917 года. Я думаю, что споры будут нарастать по мере приближения 2017 года, 100-летнего юбилея революции 1917 года. В бывших республиках Советского Союза, ныне самостоятельных государствах, идут острые дискуссии об их истории, особенно в тот период, когда они находились в составе России и Советского Союза. Это происходит и на Кавказе, и в Центральной Азии. Я уже не говорю о Прибалтийских государствах. Сейчас еще одна из острых тем — это трагические события на Украине.

То же самое происходит и в других странах. В Германии мои коллеги активно говорят о том, что молодое поколение не хочет жить с постоянным ощущением вины, поэтому сейчас там очень распространена идея, что Германия была не только преступником, но и жертвой нацизма. Во Франции правительство пыталось исключить из учебников упоминание о французском колониализме. В Италии есть совершенно четкие намерения изменить концептуальное отношение к Муссолини. В Восточной Европе острые формы принимают споры, которые связаны с Россией.

В процессе подготовки учебника мы столкнулись с особой позицией наших коллег из Татарстана. Они сейчас как бы выражают мнение этой составляющей нашего федеративного государства. У нас было много бесед с руководителями исторической науки Татарстана в Казани. И я приглашал в Москву их вице-президента по истории, гуманитарным наукам. У них есть своя точка зрения на происхождение древнерусского государства. Они вносят много предложений о роли кочевнического мира в историю нашей страны. Естественно, у них свои оценки и татаро-монгольского ига,

мы от этой формулировки в концепции нового учебника отказались, довольно активно обсуждая. Это относится и к другим составляющим нашей страны.

И в этом отношении, конечно, проблема культуры диалога, культуры споров, которые ведутся, приобретает сегодня огромное значение. История, как выяснилось, может быть фактором консолидации нации, мира, но она может быть и фактором раскола — того, что мы часто наблюдаем. Противоречия углубляются, иногда эти небольшие исторические реминисценции являются причиной довольно жестких формул, выходящих на политическую авансцену. Снова встал вопрос об идеологизации, политизации истории, о государственном вмешательстве в оценки исторических событий, которое происходит во многих странах. В это дело включились международные парламентские организации, чего не было раньше. Они принимают резолюции по оценке исторических событий.

Я думаю, что в этой довольно острой ситуации, которую, конечно, не надо драматизировать, наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева для нас приобретает особый смысл и значение. Здесь уже говорили об этом мои коллеги, но я хочу повторить еще раз. Сама идея диалога и идея культуры диалога была присуща Дмитрию Сергеевичу и как ученому, и как человеку и гражданину. Очень многие в этом зале знали, видели, общались с ним. Мне тоже довелось довольно часто и много с ним встречаться. Это был человек высоких нравственных начал, который демонстрировал лучшие качества современного человека, одухотворенного и культурой, и идеей гражданственности. И он для нас остается примером не только диалога культур, но и культуры диалога.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Александр Оганович. Приглашаю на трибуну одного из руководителей Китайской ассоциации писателей Ван Хунцзя.

ВАН ХУНЦЗЯ: — С чувством благодарности я приехал в Россию для того, чтобы принять участие в Лихачевских научных чтениях. Для меня это возможность не только поучиться у российских, зарубежных ученых, но и побывать в России, потому что она очень напоминает мне родину моего детства. Я не первый раз в Петербурге, и каждый раз, ступая на эту землю, я понимаю, что испытываю исключительно теплые чувства. Почему? Потому что произведения Пушкина, Толстого, других великих русских поэтов и писателей о любви, природе, красивые стихи породили в моей душе именно такие чувства. Их навевают близость к красивой природе, великолепные пейзажи. Это и есть сила литературы. Непогода, слякоть, деревенские покосившиеся дома наполнены красками, и в произведениях это создает очень яркое впечатление. Я испытываю очень глубокие чувства, просто очарован русской литературой. В душе я всегда был благодарен ей за то, что воспитывался на ее произведениях, потому что русская литература исключительна.

Я думаю, что Китай и Россия имеют в некоторой степени очень схожие судьбы. В Китае тоже есть великая культура. Выдающиеся китайские ученые, фило-

софы на протяжении многих столетий создавали и пестовали китайскую литературу. Образовательная наука Китая была создана Конфуцием — великим китайским педагогом. Но начиная со II века до н. э. и до настоящего времени китайская литература, философия навсегда связаны с судьбами людей, живущих в Китае. Конечно, мы понимаем, в настоящее время литература прошлого и современная литература имеют очень большое значение для современности, для воспитания образованной молодежи. Сейчас возникла такая ситуация, что в Китае молодежь мало читает, не интересуется древней и современной литературой.

Я хочу отметить, что, исследуя в своих трудах российскую литературу, Дмитрий Лихачев говорил, что нужно бережно обходиться с великим культурным наследием России, указывал, что культура сейчас потихоньку начинает гибнуть. И это очень трагично. В своем произведении «Раздумья о России» Лихачев писал: «...ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский». И мне кажется, Китай и Россия очень похожи в этом. Китай имеет великую древнюю историю, особые литературные памятники. Но сейчас он стал страной, которая очень мало читает. Дмитрий Лихачев считал, что привычка к чтению воспитывается с детства. Это и есть основа образования. Этот способ получения знаний очень важен. Основная причина того, что Китай сейчас мало читает, в том, что там особая система образования. С древности образование в Китае было основано на том, что ученики заучивали наизусть произведения древних классиков, и сейчас нужно изменить образовательную систему. Это очень важно, так как обеспечит будущее нашей молодежи, ее богатую культуру, поможет ей приобрести знания по культуре и истории.

Я помню произведения Горького, других русских писателей. Нужно постоянно читать книги и пополнять свои знания, чтобы приобрести духовные и культурные ценности. Если не читать и не иметь желания к чтению, то мир станет очень маленьким и узким. Дмитрий Лихачев говорил, что великое культурное наследие, собрание литературных памятников — это великие произведения, которые мы должны изучать и сохранять. И мы должны к этим литературным произведениям испытывать особое трепетное отношение. Если не будет желания и намерения знакомиться с этими памятниками, тогда у нас не будет и интереса к современному миру, мы не сможем разбираться в событиях, которые происходят сейчас, и мы будем лишены прекрасного будущего. История цивилизации, история всего мира — это всеобщая история. И ее нужно беречь и внимательно изучать. В Петербурге, размышляя о чтении, я подумал, что родина — это не только место, где родился и вырос, а еще и история того, как предки осваивали наши земли. А также это история гуманитарной, духовной составляющей нашего народа. Родина — это культура, и она не придет в упадок до тех пор, пока не ослабнет сама.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Благодарю Вас, господин Ван Хунцзя. Слово предоставляется профессору Владимиру Евгеньевичу Чурову.

В. Е. ЧУРОВ: — Первое, о чем хотелось бы сказать: предыдущие выступавшие уже ясно показали, что говорить о диалоге культур как об отдельном процессе не приходится. Диалог культур тесно связан с экономическим и военно-политическим сотрудничеством и отдельно от них не существует. Второе: также вполне очевидно, что история не существует как отдельный общественный институт, а является необходимым инструментом для оценки современных событий и выбора оптимального пути в будущее. И отсюда простой вывод: объективная история позволяет объективно оценить современность и выбрать действительно наилучший путь в будущее. Необъективная история этого сделать не позволяет, поэтому, я думаю, умные государственные мужи должны заботиться о поддержке объективного изучения истории. Третье: изучая военную историю, в том числе в связи с памятными датами этого года — 200-летием взятия Парижа, 100-летием начала Первой мировой войны, 70-летием освобождения Севастополя и тому подобными, можно прийти к выводу, что война имеет своей составляющей и войну культур. Война тоже может рассматриваться как диалог.

Приведу самый очевидный пример. Официальное название Первой мировой войны — Великая война за цивилизацию. Это название отчеканено на медалях победы всех государств-победителей. Великая война за цивилизацию соответственно была войной культур. Профессор Тишков уже говорил о том, что иногда в войнах существенное значение имеют и малые различия культур. После главной задачи — победить, второй задачей воюющих сторон всегда была и остается попытка создать ложный образ культуры врага, то есть существенно увеличить это малое культурное различие. И в том числе в ходе Великой войны за цивилизацию нужно было представить германцев и австро-венгров исчадиями ада, потому что нецивилизованные народы должны быть побеждены цивилизованными. Такая тенденция всегда проявлялась и в отношении России, достаточно вспомнить, какой искаженный образ русской культуры создавался пропагандистами Наполеона, какой фальшивый образ русской культуры создавался нашими противниками в ходе Крымской войны. И очень важно понять, что война культур по завершении реальных военных действий, к сожалению, может продолжаться.

Спустя 100 лет после завершения Крымской войны англичане, снимая фильм о трагической гибели легкой кавалерии под Балаклавой, долго думали, как обосновать то, что вообще англичанам понадобилось в Крыму. И не придумали ничего лучшего, как возложить на «русских князей» ответственность за резню мирных английских женщин и детей в Индии. Вот такое послевкусие от войны культур.

Естественно, что диалог культур имеет не только внешнее, но и внутреннее значение. Проезжая как-то по Кутузовскому проспекту в Москве, я увидел следующие друг за другом три машины одинакового желтого цвета. Первая машина — такси, дешевенький «форд», третья машина — тоже такси, дешевенький «хендай». Обе ярко-желтого цвета, это обезьянничание с такси в Нью-Йорке. А посередине точно такого же цвета до-

рогущее «феррари». И я говорю водителю: «Смотрите, какие такси стали по Москве ездить». Он говорит мне: ««Феррари», наверное, не такси». Так вот, возможен ли диалог между желтым «феррари» и желтыми такси? Это вопрос для следующих Лихачевских чтений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Владимир Евгеньевич. Как вы знаете, уважаемые коллеги, у нас в Университете в 2008 году по инициативе нашего учредителя — Федерации независимых профсоюзов России и при личной поддержке Владимира Владимировича Путина был создан факультет конфликтологии. Следующий наш выступающий представляет одновременно и наших учредителей, и крупный научный центр по проблемам конфликтологии, который работает на этом факультете. Это заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России Евгений Иванович Макаров.

Е. И. МАКАРОВ: — Позвольте приветствовать вас от имени учредителя Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов — Федерации независимых профсоюзов России. Каждый раз, когда поднимаюсь на эту сцену, я пытаюсь с позиции нашей экономической, утилитарной организации найти ту актуальную повестку дня, которой могут быть посвящены сегодняшние, может быть, и завтрашние Лихачевские чтения. И как это ни удивительно, несмотря на то что организация, которую я представляю, — утилитарная, каждый раз мы находим очень много тем и вопросов, по которым хотелось бы услышать от уважаемого учебного сообщества вполне ясные и конкретные идеи, рекомендации для того, чтобы сделать нашу жизнь лучше. Как вы знаете, мы стремимся защищать интересы простых людей, живущих в Российской Федерации и за ее пределами. И когда я поднимался на эту сцену, пытался в уме очертить динамику развития повестки дня Лихачевских чтений.

Это может показаться противоестественным, но каждый год на протяжении последних 10 лет количество проблемных вопросов, которые мы обсуждаем не уменьшается, а растет. И если оглянуться на события прошедших нескольких месяцев, то мы с вами поймем, что напряжение возрастает, и не только по количеству, но и по качеству, жесткости постановки вопросов. В чем причина? Здесь я, как представитель руководства Федерации независимых профсоюзов России, абсолютно согласен с выдающимся современным социологом Иммануилом Валлерстайном, который утверждает, что причина конфликтов — в крахе идеи либерализма, рожденной ею философии и созданных на этой почве моделей. Но в чем мы, может быть, отличаемся во взглядах, это в том, что Валлерстайн считает, что либерализм умрет как немощный старик и тихо оставит после себя не самые лучшие воспоминания. А я вижу, что этот старик бьется в агонии, пытаюсь нас затащить в то прошлое, о котором говорил здесь уважаемый экс-премьер-министр Испании. Существующий уже более 200 лет либерализм пытается затянуть нас в Средневековье, где в какой-то части оказалась сегодня Украина. Он хочет

поднять из гроба мертвецов шовинизма и нацизма, вызвать к жизни совершенно неприемлемые для современного мира модели будущего развития, основанные на господстве одной идеи и одной страны, навязываемые под звучание псевдолиберальных «мантр».

Для профессиональных союзов это абсолютно неприемлемо по той причине, что это организация не только утилитарно-экономическая, но и крайне консервативная. Люди, которым мы служим, не хотят перемен, приводящих к ухудшению положения их самих, их близких и детей, под каким бы «соусом» это ни подавалось. Они не хотят в будущем видеть страну, которая катится в прошлое, раз за разом повторяя ошибки прошедших веков. Они рассчитывают, что их голос не только будет услышан теми, кто делает «большую политику», но и к нему прислушаются. Поэтому я желаю всем участникам Лихачевских чтений плодотворной работы и продолжения поиска (в котором мы непрерывно находимся) ответов и на вопросы фундаментальные, и на вопросы сегодняшнего дня. Поиска лучшего будущего для нас и особенно для наших детей. Мы не имеем права выпустить за пределы текущего десятилетия решение проблемы замены либерализма новой, жизнеспособной идеологией, отвечающей интересам не только «золотого миллиарда», но и населения стран России, Азии, Африки и Латинской Америки.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Евгений Иванович. На трибуну Лихачевских чтений приглашается выдающийся российский философ Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги, друзья, Лихачевские чтения имеют много разных аспектов. Один из них заключается в том, что это государственный форум, вписанный в культурную жизнь Санкт-Петербурга, страны. В научной же своей части Лихачевские чтения связаны с диалогом культур. Это место, где представители разных областей знания и разных форм культуры — и ученые, и практики — обдумывают и разрабатывают общую концепцию. И тот, кто следит за результатами работы форума, видит, что эта концепция обогащается, развивается. Сегодня мне хотелось бы остановиться только на одном моменте, на одном вопросе, который требует теоретического размышления и на который, насколько я могу судить, в обсуждавшихся нами вариантах понимания диалога культур ответ пока не найден. Вопрос этот мне казался очень актуальным, а сейчас, после выступления профессора Чурова, я в этом просто убежден. Своим парадоксальным заявлением о том, что война — это в какой-то степени диалог культур, он высказал очень простую идею: различие культур — это основание для конфликта, для диалога. Вот о чем идет речь.

Здесь, когда мы выступаем с трибуны Лихачевских чтений в этой прекрасной академической аудитории, у нас все концы с концами сходятся, диалог получается. А вот на улице, когда встречаются между собой, скажем, коренные жители и мигранты, — там диалога не получается. Когда встречаются, скажем, Запад и Россия вокруг известных проблем — диалога не получа-

ется. Идея, о которой говорил профессор Чуров, — конечно, вызов тем, кто все-таки придерживается концепции диалога культур. В чем смысл самой идеи диалога? Не в том, чтобы снять культурные различия и привести их к какому-то единому основанию, а в том, чтобы как бы легитимизировать эти различия, чтобы признать их как благо и, более того, обосновать предложить именно различие культур как наиболее продуктивную форму существования и развития культуры вообще. То есть идея разнообразия и многообразия культур — это базовая идея самой концепции диалога культур.

Следовательно, надо внести такие уточнения в теорию диалога культур, дать такое ее понимание, которое обосновывало бы разнообразие как норму, адекватный способ существования и развития культуры. И сделать это так, чтобы отсюда нельзя было вывести войну и другие, подобные войне, конфликты. И если на разнообразии культур смотреть со стороны какой-то одной культуры, понять и оправдать его невозможно, мы обязательно поделим ее на свою и чужую. А «свое-чужое» — это известная испокон веков форма группового противостояния людей, их борьбы, взаимоуничтожения и т. д. Значит, должна быть какая-то другая точка зрения, другая точка отсчета — транскультурная, сверхкультурная, нейтральная по отношению к тем культурам, которые необходимым образом должны взаимодействовать между собой. Должна быть точка зрения, которая поднимается над этим разнообразием культур и как бы служит основанием для того, чтобы санкционировать его. И мне кажется, в наших концепциях на этот вопрос ответа нет.

И отсюда, между прочим, возникает целый ряд таких странных вещей, когда, скажем, даже выдающиеся сторонники идеи толерантности, диалога культур вдруг в какой-то момент сбиваются. Они вроде за диалог культур, но бомбардировки в Югославии оправдывают, палестинцев считают другими, выводят их за скобки и т. д. То есть в теории ответа на этот вопрос нет. И мне кажется, когда мы говорим о диалоге культур в глобализирующемся мире (а ведь именно так звучит наша тема), мы ограничиваемся первой частью, тем, что речь идет о диалоге, акцентируем внимание на этом, но мы мало обращаем внимания на вторую часть, на то, что это диалог культур в современном, глобализирующемся мире. То есть в мире, который становится единым. А раз мир становится единым, то он принадлежит всем людям, которые в нем живут, которые живут на планете Земля. Здесь уже кто-то говорил, что гаджеты и многие другие составляющие нашу повседневность предметы одинаковы во всех уголках мира; с технологической точки зрения мир становится единым. И с финансовой точки зрения с долларами в кармане можно путешествовать повсюду. Везде есть также Интернет. Можно сказать, что мир един, поскольку охвачен всеми этими вещами. Но на это можно посмотреть и по-другому: мир охвачен, насыщен одинаковыми вещами — и долларом, и Интернетом, и многим-многом другим, что составляет среду нашей жизни, потому что он един. То есть признание изначального человеческого единства предшествует тому фактическому единству, которое реализуется в процессе глобализации. И мы должны

найти какие-то ходы мысли, чтобы включить этот момент в наши теоретические схемы.

Философы, которые первыми мир человеческих законов, обычаев, норм — того, что позже было названо и сейчас называется культурой, — выделили в качестве особой реальности, были греческие софисты. Они выделили этот мир и сказали, что есть особая реальность — мир культуры. И этот мир культуры они противопоставили миру природы. Мир, с которым имеет дело человек и в который он вовлечен, был расчленен на две качественно различные области: природу и культуру. Но софисты не просто зафиксировали это различие. Их ход мысли был такой: природа с точки зрения ценностной выше культуры. Почему? Потому что природа объединяет — она одна и та же для всех, а культура разная, значит, она разделяет. Это прозрение философов, мне кажется, сейчас уже становится историческим фактом. Природное единство людей в условиях глобализирующегося мира — это уже, если хотите, сам по себе культурный феномен, историческая реальность.

Нам надо осознать и теоретически закрепить этот факт. Я думаю, что это можно сделать, если мы идею диалога культур и вообще идею культурного многообразия соединим с идеей ненасилия, конкретизировав ее как идею изначальной и безусловной ценности человека как человека, до всяких культурных различий. Один консервативно мыслящий и националистически ориентированный мыслитель говорил: я встречал француза, русского, благодаря книгам знаю о существовании персов, но никогда не встречал и не слышал о существовании человека вообще. Это верно, но ведь только человек может стать французом, русским, персом, другие природные создания не могут стать ими. Конечно, культура формирует человека — это факт. Но ведь и человек формирует культуру. И тем более в современном мире оказывается более рельефной и очевидной истина, что культурная определенность людей не является какой-то застывшей формой, она все время меняется. И человек не только овладевает различными предзаданными ему идентичностями, но и собственную идентичность постоянно развивает. И это тем более доказывает, что сама культура формируется человеком. Мы должны признать изначальную ценность человека как той основы, которая формирует культуру. А если мы признаем самоценность человека, то мы признаем его право на то, чтобы иметь ту культурную форму, которую он предпочитает. Тем самым мы изначально задаем разнообразие и различие культур. И мне кажется, если бы мы соединили эти две вещи — теорию ненасилия, отказ от насилия и диалог культур, то мы смогли бы значительно продвинуть и нашу концепцию диалога культур.

Еще один момент, который очень важен для того, чтобы включить эту идею транснационального единства в нашу концепцию, связан с изменяющимися формами «владения» планетой, расселения и обитания людей на ней. До сих пор у нас — и в наших культурных образах, и по факту — господствует принцип, когда определенные группы людей закреплены за определенными территориями, то есть территория поделена

между этносами, государствами, цивилизациями. Планета поделена между культурами. А сейчас идет другой процесс. Это процесс миграции, который теперь не остановить, кто бы и что бы ни говорил и ни делал. Мы замечаем, что в Россию приезжает много мигрантов, а с ними и много проблем (реальных и мнимых), но мы не особенно задумываемся над тем, сколько уехало из России и уезжает. И еще неизвестно, если эти потоки сопоставить, какой из них перевесит. Эту новую реальность, конечно, нам нужно каким-то образом научиться осмысливать.

И здесь я хотел бы обратиться к мысли известного современного социолога и очень мудрого человека Зигмунта Баумана: «Может быть, нам отказаться от метафоры почвы и перейти к метафоре якоря». Это означает, когда человек куда-то уезжает, он просто бросает якорь в другом месте. Если он уезжает, то он не изменяет родине, так сказать, не покидает почву. И теперь вместо человека-крестьянина с лошадью, прикрепленного к определенной земле, мы имеем человека-моряка, путешественника, который плавает по океану и может бросить якорь то здесь, то там. Во всяком случае эта идея заслуживает внимания и уважения. Короче говоря, мы должны конкретизировать и обогащать наше понимание диалога культур таким образом, чтобы из культурных различий и многообразий никоим образом нельзя было бы вывести разделения людей на своих и чужих.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович. Я бы хотел пригласить на трибуну нашего выдающегося коллегу, ученого из Академии наук Украины, профессора Петра Петровича Толочко. В эти сложные времена нам очень дорого его присутствие.

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогие коллеги! Готовясь к очередным Лихачевским чтениям, я сделал для себя небольшое открытие. Состоит оно в том, что человечество не способно создать непротиворечивую модель собственного общежития. В свое время выдающийся русский философ Н. Ильин видел причину столкновения народов в отсутствии закона, который бы четко регулировал систему международных отношений. Впоследствии такой закон появился. Он был принят Организацией Объединенных Наций, но столкновений стало еще больше. И главным образом потому, что в нем было провозглашено в качестве неотъемлемого права народов на самоопределение.

Недостатка в желающих самоопределиваться никогда не было, а процесс этот всегда сопровождался общественными кризисами. К тому же реализация этого права чаще всего зависит не столько от воли самого народа, сколько от сильных мира сего. К примеру, США и НАТО решили, чтобы Косово стало отдельным государством, что и произошло. В свою очередь аналогичную поддержку Абхазия и Южная Осетия получили от России.

Недавно я прочитал интервью премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона, обеспокоенного предстоящим плебисцитом Шотландии о государственном суверенитете. Согласно ему, выход Шотландии

из состава Великобритании нежелателен, поскольку не пойдет на пользу ни шотландцам, ни англичанам. Нечто похожее Ж.-М. Баррозу сказал по поводу возможного выхода Каталонии из состава Испании. Как говорится, золотые слова. Жаль, что говорятся они только тогда, когда речь идет о целостности собственных стран. Их не было слышно, когда та же Европа и США с упоением разваливали Советский Союз и Югославию, горячо отстаивая право их народов на самоопределение.

Но кроме права на самоопределение, ООН провозгласила также и принцип нерушимости границ, что было закреплено на известном Хельсинкском совещании в 1975 году. По существу, эти два «права» находятся в непреодолимом противоречии.

Есть и еще один принцип межгосударственных отношений — невмешательство одного государства во внутренние дела другого. Но он также нарушается сплошь и рядом. Проиллюстрировать это я могу на примере событий, происходящих на Украине. Нет ни малейшего сомнения, что они инспирированы США и странами, входящими в НАТО. Свидетельство этому — непосредственное участие высокопоставленных чиновников названных стран в майданных акциях. С трибуны «революционного» Майдана они призывали людей к отстаиванию своих прав на демократию и свободу. Особенно они поддерживали Западную Украину, которая фактически вышла из подчинения центральной власти.

В одной из публикаций я писал, что это опасный прецедент. Ибо если сегодня неподчинение возможно для Западной Украины, то завтра оно будет возможно и для Юго-Восточной. Что и произошло. И тут западные радетели Украины подняли шумный гвалт: «Это неприемлемо, что на юго-востоке создаются вооруженные отряды. Это угрожает целостности страны». В вооруженных националистических отрядах «Правого сектора» они никакой опасности не видели и даже поощряли их на силовой захват власти, а в ополченцах юго-востока, требующих культурной и хозяйственной федерализации, — увидели.

Причины мятежа на юго-востоке в значительной степени обусловлены опасениями населения потерять свою культурно-историческую идентичность. Край этот русскоязычный. Он только в 1922 году, вошел в состав Украины при образовании Советского Союза. Когда после государственного переворота новые власти объявили запрет на употребление русского языка, на Донетчине и Луганщине заявили свой решительный протест.

На первых порах он не распространялся дальше федерализации. Я давно уже разделяю идею именно такого государственного устройства. Оно наиболее оптимально в условиях полиэтничного и поликультурного общества. Меня обвиняли в русофильстве, подыгрывании будущему распаду Украины. Разумеется, несправедливо. И если бы майданные власти Украины пошли навстречу требованиям населения юго-востока, уверена, Украину не постигла бы трагедия войны и распада.

Я был близко знаком с Д. С. Лихачевым, в какой-то мере считаю его своим учителем. Незадолго до распада Советского Союза он говорил: «Ну что ж, пусть уходит Прибалтика и другие республики, но Россия, Украина

и Белоруссия должны остаться вместе, поскольку они имеют единый культурный корень, происходят из одного древнерусского народа».

К сожалению, не получилось. Исходя из нынешних реалий, можно утверждать, что Украина уже оторвана от восточнославянского материка. Отрыв этот совершается brutally и кроваво. Еще неизвестно, чем закончится восстание на юго-востоке Украины. Свои претензии к украинской унитарности присутствуют и в Закарпатье, где значительный процент населения составляют венгры, а также на Буковине, которую румыны считают своей землей.

Таков результат глобализации мира по-американски на Украине. Еще не было примера, где бы американское вмешательство заканчивалось миром и процветанием. Наоборот, везде неугасающие гражданские войны и распад государств, а еще десятки и сотни тысяч беженцев. Думается, мировому сообществу есть над чем задуматься.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Петр Петрович. Я хочу предоставить слово Почетному доктору нашего Университета Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я хочу начать свое выступление со слов благодарности Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, потому что это был не только теоретик и крупнейший филолог. Меня поражает одно обстоятельство — человек, который занимался русской культурой, русской филологией, причем Средних веков, о чем он думал, какие идеи передавал людям. Может быть, не все присутствующие знают, что каждый год здесь, в этом зале проходит Фестиваль восточной поэзии, собираются студенты из Китая, Индии, Пакистана, Узбекистана, Азербайджана и читают стихи на своем родном языке. Этот фестиваль проводится по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева, это его идея. Это, что называется, диалог в сугубо практическом варианте. И те молодые люди, которые сидят в зале и слушают стихи на разных языках, активно участвуют в этом диалоге. Слушая сегодня выступающих, я поймал себя на мысли, что незримо практически у всех моих коллег, которые стояли на этой трибуне, присутствовала рефлексия и философское осмысление тех трагических событий, которые произошли так неожиданно в этом году. И я тоже, наверное, буду говорить главным образом об этом, попытаюсь на языке конституционного права ответить на эти вопросы. Я хочу сказать о праве российского народа быть самим собой.

Я думаю, что это право проистекает из первого утверждения нашей Конституции. Преамбула начинается с утверждения, что многонациональный российский народ объединен общей судьбой на своей земле. Что же означает эта очень глубокая, по сути, концепция, концепция общей судьбы многонационального народа? Насколько отвлекаясь, я скажу, что это означает, что соседи не выбирают. Так объективно получилось, что мы живем со своими соседями, и других у нас не будет. Нам никогда не надо забывать, что это соседи, Богом данные нам. Что касается общей судьбы народа, конечно, это не генетические исследования, не исследования

состава нашей крови, хотя, может быть, генетика и дала бы очень интересные результаты о том, кто мы на самом деле. Я думаю, что в большей степени общая судьба как конституционная концепция — это результат диалога культур в историческом аспекте. Я рискую об этом говорить в присутствии выдающихся историков, но особенность России в том, что здесь никогда не было подлинного колониализма. Было очень интересное соседство, иногда в немирной форме, но это всегда взаимодействие культур. И как результат этого взаимодействия мы имеем такие сложные культурные традиции.

В какой-то степени то, что мы сохранили культурные, этнические анклавы в нашей большой стране, называется на наших традициях. *Mores* — говорили римляне, вкладывая в это очень глубокий смысл, в том числе и традиции государственности. Эти традиции государственности в чем-то играют положительную роль, я не отрицаю, что тут есть, может быть, некие и положительные, и отрицательные моменты. Это все надо исследовать. На мой взгляд, исторические традиции российской государственности предполагают право народа быть самим собой и основываться на этом праве. Что же это значит как сугубо юридическая категория? Я думаю, что российский народ имеет право на неуниверсализированное бытие, такое бытие, как некая энергия сопротивления, когда внешние силы пытаются лишиться народ этого неуниверсализированного бытия. То есть существует некая энергия сопротивления, и мы это чувствуем. Мы это видим, когда, скажем, в Государственной Думе обсуждается вопрос об установлении некоего предела, лимита на показ американских фильмов. Это как бы отголоски права народа быть самим собой.

И мне кажется, что незримо ведется очень напряженный философский диалог о культурном релятивизме. Это монохроматическое представление о мире — на мой взгляд, догматическое представление о том, что такое права человека в их предельно универсализированном варианте. Это, с моей точки зрения, то, что в философской традиции называется традицией мышления реализма, а не номинализма, и эта традиция мышления приводит к тому, что у каких-то людей, стран появляется совершенно неразумное представление о том, что они являются носителями юридической истины. Они считают, что их представления являются единственно возможными и должны разделяться всеми другими народами, иначе эти народы надо объявлять нецивилизованными. Это глубоко ошибочное представление, монохроматический взгляд, когда очень несчастный человек видит мир в черно-белом свете, не различая всех красок этого мира. И мне кажется, это главная ошибка наших коллег. Хотелось бы, чтобы мы говорили все-таки в этих терминах, в том числе наши теоретические оппоненты, которые, к сожалению, по-прежнему придерживаются маркузианского лозунга. Они говорят нам: «Будьте реалистами, требуйте невозможного». Но надо понимать, что лучше быть все-таки реалистами и не требовать невозможного.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Гадис Абдулаевич. Позвольте пригласить на трибуну господина Валура Ингимундарсона из Исландии.

ВАЛУР ИНГИМУНДАРСОН: — Я очень рад возможности выступить сегодня по вопросу о геополитике в прекрасном городе Санкт-Петербурге, который, на мой взгляд, очень близок нам, северянам. Хотел бы поговорить о взаимовлиянии международных и межнациональных процессов. Регионы выступали часто как модели международной кооперации, организации или, наоборот, как места конфликтов великих держав. Посмотрим на те возможности, имеющиеся в тесной взаимосвязи и противостоянии с природными условиями северных районов Арктики, которые часто бывали предметом конфликта и территориальных споров между различными государствами. И, как говорил Аллан Кокрейн, эти возможные конфликты часто коренятся в глубинных процессах самого расположения регионов. На ведущиеся сегодня выступления по поводу Арктики влияет то, что Фуко назвал идеологией третьего вопроса. С помощью различного рода захватов, переходов из рук в руки арктический регион рассматривался как нечто являющееся предметом соперничества и наследием сейчас уже исчезающей парадигмы исторического дискурса в социально-политической и общественной сфере, как предмет притязаний различных государств.

Рассматривая Арктику как объект стратегического внимания государств из-за богатства природными ресурсами и желания обладать ими, мы возводим наш дискурс к проблемам ранних времен, когда великие державы пытались бороться за природные ресурсы еще в империалистические времена, и относимся к Арктике так же, как в свое время к африканскому континенту. Сейчас это вовлекает в себя даже уже военные дискурсы и практики. Очень часто государства, расположенные выше Полярного круга и сформировавшие Арктический совет, пытаются уйти от враждебности в диалоге. Сейчас те государства, которые находятся на побережье Северного Ледовитого океана, — а это Россия, Соединенные Штаты Америки, Канада, Гренландия, Исландия, — играют гораздо более важную роль в решении вопросов региона, чем другие страны. Но возможность того, чтобы арктические богатства и ресурсы осваивались не только прибрежными государствами, но и другими странами, которые могли бы привлекаться к их добыче, обращает наше внимание на довольно амбивалентный исторический дискурс. Фуко правильно говорил о том, что для этого региона могут быть использованы все формы диалога, в том числе и исторические. В настоящее время геополитические устремления могут привести к тому, что мы вернемся к пониманию, распространенному в XIX веке, к неоколониализму в арктическом регионе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Ингимундарсон. Я хотел бы предоставить слово академику Александру Борисовичу Куделину.

А. Б. КУДЕЛИН: — Прежде всего я хотел бы упомянуть о словах благодарности, которые в моем присутствии произнес Дмитрий Сергеевич Лихачев в адрес академика Николая Иосифовича Конрада. Они

прозвучали на вечере памяти, посвященном нашему выдающемуся востоковеду в Библиотеке иностранной литературы в Москве.

Дмитрий Сергеевич Лихачев, вклад которого в обсуждаемые проблемы весьма велик, не был тем самым Иваном, не помнящим родства. Дело в том, что диалог культур и изучение этой проблематики имеют долгую историю. Николай Иосифович Конрад, в свое время написавший книгу «Запад и Восток», о которой на памятном вечере очень хорошо говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев, со своей стороны во многом способствовал тому, чтобы вклад и деятельность академика Лихачева в этой сфере тоже были достойно оценены в нашем обществе и нашей наукой. Напомним сегодня только об одном важном деле, которому посвятили немало времени наши выдающиеся ученые. Николай Иосифович Конрад, за ним Дмитрий Сергеевич Лихачев вложили много сил в издание серии «Литературные памятники», практически реализуя теоретические принципы изучения диалога культур и сравнительно-исторического сопоставления литератур Востока и Запада.

Это на самом деле очень большая работа, потому что просто говорить о диалоге культур — это одно, а издавать памятники культуры различных народов мира — совсем другое. Причем делается это благодаря традициям, заложенным основателем серии академиком Сергеем Ивановичем Вавиловым и продолженным всеми учеными, которые участвовали в этой работе. Эти заслуги велики и неоспоримы. Здесь очень важно понять, и об этом сегодня говорил академик А. А. Гусейнов, что диалог культур в разных условиях приобретает разные черты. Начиная диалог культур, о чем писал в свое время Н. И. Конрад, с взаимного сближения культур. Мы часто обсуждаем вопрос: «Возможен ли вообще диалог культур?». Диалог культур всегда возможен, даже если они не понимают друг друга, но хотя бы встречаются. И академик Н. И. Конрад привел замечательные примеры того, как японцы осваивали русскую культуру и литературу на японский лад.

Сегодня говорилось очень много важных, хороших вещей, но не прозвучало каких-либо практических предложений, и я бы хотел одно такое предложение к Александру Сергеевичу обратить. Мне кажется, было бы полезно сделать, если возможно, серию выдающихся трудов по диалогу культур, потому что диалог культур начался не 14 лет назад на Лихачевских чтениях, а гораздо раньше. Я напому хотя бы пушкинскую речь Достоевского, который говорил о всемирной отзывчивости русской души в творчестве Пушкина. Все это очень хорошо вписалось в диалог культур. В свое время мы отмечали 200-летнюю годовщину со дня рождения Пушкина. Но как-то забыли, что в это же время можно было бы отметить и 250 лет со дня рождения Гёте, который в «Западно-восточном диване» поднимал те же самые проблемы, что и Пушкин в своих произведениях. Это очень интересный материал, из которого можно было бы много хороших проектов сделать.

Что касается диалога культур, русской традиции, и не только русской, можно было бы издать огромное

количество произведений, которые бы показывали, насколько диалог культур в условиях глобализации отличается от диалога культур, который происходил, скажем, в XVII веке. А диалог был всегда — и в XVII веке, и даже в Древнем мире, и об этом сегодня говорил академик А. А. Гусейнов. Можно посмотреть на эту тему много хороших произведений. Я думаю, можно было бы сделать такую полезную вещь. И если бы академик А. А. Гусейнов согласился возглавить такую серию, это было бы замечательным и большим вкладом в изучение сближения народов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Александр Борисович. Я приглашаю на трибуну выдающегося математика-экономиста Валерия Леонидовича Макарова.

В. Л. МАКАРОВ: — Профессор Чуров не побоялся упомянуть слово «война» применительно к нашей дискуссии. На самом деле это очень серьезная вещь. Я хочу сказать не просто о войне, а об информационной войне, точнее об информационных войнах. Информационные войны — это термин, который появился довольно давно, но в последнее время мы постоянно живем именно в системе информационных войн. Кто-то, может быть, этого не чувствует, но многие испытывают это на себе. Есть люди, которые, например, обосновывают, что Советский Союз распался не потому, что упала цена на нефть, или по другой причине, а потому что на самом деле проиграл в информационной войне. Потому что Запад в СМИ выглядел как рай, а Советский Союз — это что-то типа ада. Вот и закончилось тем, что Союз распался. Понятно, что в этом есть определенный смысл.

В наше время информационные войны обогащаются новыми орудиями. В обычной войне количество всяких видов вооружения постоянно увеличивается. То же самое и в информационной войне — появился Интернет и т. д. И поэтому нужно уметь воевать в этой новой обстановке. К сожалению, надо признать, это мое личное мнение, но в информационной войне Россия проигрывает Западу. Если послушать, что говорят простому населению в Америке и Европе и что говорят в России, — это очень разные вещи. И значит, нужно уметь воевать в информационной войне. Мы воюем хуже, надо это признать. И из-за этого происходит очень много негативных событий.

Почему я об этом решил сказать именно здесь, на наших Чтениях, которые посвящены диалогу культур? Мне кажется, что как раз в сфере культуры можно найти необходимое оружие, и если мы его будем разумно использовать, тогда тоже будем побеждать. Это частично противоречит тому, что говорил профессор Чуров. Но есть понятие «народная дипломатия», которое заключается в том, что если мы будем чаще общаться друг с другом, то это поможет нам избежать информационной войны. Если мы будем широко применять культуру, ее понятия и методы, конечно, мы начнем побеждать. Это будет происходить по многим причинам. Не потому, что там будут проходить наши выставки искусства, и не потому, что, скажем, Мацуев, Гергиев, Нетребко — наши талантливые соотечественники — будут

гастролировать по миру. Но в целом если наша культура будет проникать везде и мы найдем рычаги, с помощью которых сможем внедрять ее в сознание людей, тогда не будет этого информационного противостояния.

А сейчас главное, о чем говорится в мире, что началась вторая холодная война. Первую холодную войну мы проиграли, а сейчас началась вторая. Это тоже что-то похожее на эти самые информационные войны. Мое личное представление как человека, не являющегося профессионалом в этих вопросах, заключается в том, что у нас есть шанс не проиграть в информационной войне, если мы будем привлекать нашу великую российскую культуру.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Валерий Леонидович. Я хочу предоставить слово нашему коллеге из Лондона, известному журналисту Юрию Самуилову Голигорскому.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Слушая предыдущего оратора, я понял, что плохо подготовился к сегодняшней встрече, поскольку еще два дня назад я был в совершенно другом мире, где то, что описывалось сейчас здесь в таких животрепещущих терминах, рассматривается несколько под иным углом зрения. Мне на ум приходит один из постулатов учения дзен: разговор — это злоупотребление, молчание — это обман. По ту сторону молчания и речи проходит крутая тропа. Я подхожу к этому постулату как журналист, как продюсер. Подхожу с той точки зрения, что каждое слово, которое мы, журналисты, выдаем в эфир, должно быть взвешенным, продуманным и абсолютно точным. Наш главный принцип сродни принципу врачей — не навреди. И если мы будем придерживаться этого принципа, то, конечно, многие проблемы будут преодолены.

Когда я летел сюда, то в самолете разговорился с соседом, и он спросил: «Вы едете и, конечно, будете обсуждать Украину?». Я сказал: «Да». — «А скажите, Вы за вас, или за них?». Я ответил: «Вы знаете, я как журналист не за нас и не за них. Профессионально я должен быть над схваткой, я должен видеть проблему, рассказывать моим читателям, слушателям и зрителям только то, что я вижу, только те факты, которые мне удалось установить, и ни в коем случае не давать им личной оценки». Мы должны, и это одно из правил западной журналистики, четко различать новость, комментарий и мнение. К сожалению, за последние два дня, когда у меня в номере постоянно включен телевизор и я смотрю новости с юго-востока Украины, я не могу похвастаться тем, что солидаризируюсь с моими российскими коллегами в освещении того, что там происходит. У меня есть определенная доля критики в отношении моих коллег, но, тем не менее, мы по-прежнему говорим на разных языках. И в этом, конечно, огромная проблема. Недавно в России, если мне не изменяет память, введен закон о ненормативной лексике. Мне кажется, что сейчас, в этой ситуации безумно важно запретить не только ненормативную, но и эмоционально окрашенную лексику в освещении тех или иных событий. Слово становится материальной си-

лой, оно обретает такую мощь и способно нанести такой вред своей эмоциональной окраской, о котором мы даже не подозреваем.

В советские времена существовал «Моральный кодекс строителя коммунизма». Мы с вами приблизительно одного поколения, и вы все его помните. Чуть позже, уже в постсоветские времена, один из авторов этого кодекса, известнейший советский, российский журналист Федор Бурлацкий признал, что это наспех переименованные 10 заповедей и Нагорная проповедь. Может быть, сейчас нам есть смысл изобретать велосипед, а вернуться к 10 заповедям и Нагорной проповеди во всем, что мы делаем, во всей нашей профессиональной деятельности. И, может быть, есть смысл вспомнить старую библейскую истину: другой прав, потому что он другой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Юрий Самуилович. Я приглашаю на трибуну профессора экономики Шломо Вебера.

ШЛОМО ВЕБЕР: — Прежде всего я хочу сказать, что полностью согласен с тезисами академика Тишкова: он высказал много идей, которые я собирался озвучить. Так что я остановлюсь на других моментах, а именно рассмотрю экономический аспект разнообразия и развития. Разнообразие меня интересовало всю жизнь — я бросал много якорей, как здесь уже прозвучало, в разных странах, и поэтому мой интерес к разнообразию уже в течение многих лет является основной темой моих исследований. Начну с того, что отправной точкой эмпирических исследований многообразия стал Атлас народов мира, который был составлен в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР и опубликован в августе 1964 года. Он оказал огромное влияние и на практическое и на теоретическое изучение разнообразия во всем мире. В Соединенных Штатах этот Атлас народов мира начал использоваться в 1967 году и вот уже в течение почти 50 лет на него ссылаются многие исследователи. Как я уже сказал, в своем выступлении я хотел бы заострить внимание на экономической стороне многообразия, коснуться диалога культур и рассмотреть проблему не с внешней точки зрения, а начать с внутреннего анализа страны. Россия — страна, как известно, неоднородная. В нашем Центре мы рассматриваем проблему неоднородности, многообразия с разных точек зрения. Это и религиозные, и лингвистические, и экономические, исторические географические, генетические аспекты многообразия. Наши исследования относятся к разряду междисциплинарных, поэтому мне особенно приятно присутствовать сегодня на Лихачевских чтениях, среди коллег и единомышленников. Россия — это страна с географической точки зрения, наверно, самая сложная, в которой регионы очень сильно отличаются друг от друга, причем по многим параметрам. Тогда возникает вопрос: «Как мы будем укреплять регионы или по крайней мере помогать их развитию, если понимаем, что и люди разные, и живут в разных местах, и думают по-разному и даже говорят на разных языках?»

Эта проблема, с одной стороны, конечно, философская, но на самом деле это проблема экономическая. Пожалуй, именно в Университете профсоюзов было бы очень интересно провести исследования вот какого вопроса: что получится, если не включить людей по причинам экономического или этнического различия в созидательный процесс экономического развития? Тогда большие слои населения просто выпадут из этого процесса. Если не задействованы все ресурсы — и человеческие, и экономические, движение вперед будет трудным. Причем этот вопрос актуален не только для России, но и для многих других стран, поскольку если большие группы населения исключаются из процесса развития страны по ряду причин — войны, различия или просто нежелание понимать друг друга, то такое развитие лишено смысла с точки зрения экономической. Поясню на очевидном примере. Мы много говорим о глобализации, она, как известно, объединяет мир. Конечно, глобализация объединяет мир, но одновременно и разъединяет его. С одной стороны, мы живем в глобальном мире, но с другой — большие группы населения остаются на обочине прогресса. А когда целые социальные пласты не участвуют в созидании, то с экономической точки зрения процесс развития нельзя назвать успешным.

Я полностью согласен с выбором лингвистической политики в различных регионах бывшего Советского Союза, как, скажем, в Молдавии, Казахстане и на Украине. По какой причине? Причина та же: если большие группы населения не вовлечены в магистральные процессы развития из-за различий в языке, культуре или религии, тогда и ожидать положительных перемен не приходится. Поэтому, я думаю, что этот вопрос действительно можно адресовать профсоюзам и предложить им роль защитника прав различных слоев населения. Роль профсоюзов и государства заключается в том, чтобы создать политическую среду и условия для того, чтобы включить в процессы созидания все слои населения. Тогда и отклик будет более действенным, и понимание между разными социальными группами улучшится.

В заключение я хочу вернуться к двум противоположным сторонам процесса глобализации. Дивергентные процессы глобализации в конечном счете усиливают желание людей защищать свои интересы, интересы даже своих маленьких групп и свое мировоззрение. Поэтому, чтобы двигаться вперед, безусловно, надо учитывать различия между социальными группами и регионами по аспектам, которые я уже упоминал: культурным, экономическим, географическим и др. Но, учитывая различия и многообразие общества, надо понимать, что региональное развитие в такой большой стране, как Россия, должно быть сбалансировано, иначе трудно будет двигаться вперед. Таким образом, с точки зрения исследования многообразия, первый важный момент — каким образом измерить разнообразие, а второй — как использовать это разнообразие на благо созидательному процессу. Этим мы занимаемся в наших исследованиях и, я думаю, это совершенно необходимо для развития страны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Вебер. Я прошу подняться на трибуну одного из крупнейших в мире специалистов по диалогу культур Виталия Вячеславовича Наумкина.

В. В. НАУМКИН: — Один из первых опытов диалога культур, в который мне пришлось вступить, относится к далекому прошлому, когда я был студентом и учился в Египте, в Каире. Совершая очередную поездку по внутренним районам Египта (надо заметить, что это был совсем другой Египет, не тот, который сейчас видят туристы), я встретил одного интересного человека, отшельника-суфия. Он забрался на дерево, устроил там подобие гнезда и жил в нем уже несколько лет. Так он уединился, хотя это немного отличается от того, как уединялись русские старцы-отшельники, которые жили в пещерах. Меня поразил этот человек. (Хотя злые языки говорили, что по ночам он спускался и ему приносили туда пищу.) Я впервые увидел человека, который живет в другом мире, впервые испытал необычайное чувство вступления в диалог с таким человеком, живущим в другой цивилизации, в другом обществе, и он был мне понятен. Будучи подготовлен как арабист, специалист по арабскому миру, у меня не было трудностей в общении с людьми той культуры, но общение с отшельником, диалог меня поразили.

Я хочу протянуть мостик оттуда в современный мир и сказать, что, может быть, сегодня в диалоге нуждаются не люди разных цивилизаций и культур, а те, кто находится внутри одной культуры, одной религии, одной цивилизации. Они, кажется, все меньше понимают друг друга, и мы сегодня это наблюдаем.

Один арабский средневековый мыслитель сказал: «Бог дал европейцам мозг, китайцам — руки, арабам — язык». Действительно арабский язык, литература, поэзия прекрасны, арабы очень ими гордятся. Мне иногда кажется, что нам Бог дал и мозг, и язык, и культуру, которых нет ни у кого другого, мы гордимся нашей культурой, литературой, поэзией. Единственное, с чем у русских плохо, — это руки.

Если вернуться к особенностям культуры, то академик Чубарьян говорил об исторической памяти, которая, по-моему, сегодня приобретает материальную силу. Я иногда спрашиваю у своих студентов: «Сколько поколений своих предков каждый из вас может назвать?» Тем самым я проверяю генеалогическую память нашей молодежи. Некоторые называют три, четыре поколения — и все. На Ближнем Востоке, где мне приходилось долго жить, где я продолжаю бывать, люди называют много поколений своих предков. Находящийся здесь Владимир Евгеньевич Чуров, поразил меня тем, что знает свою генеалогию. Печально, что сегодня наша молодежь знает мало поколений своих предков. Это цивилизационная особенность. Я считаю важным усиление сегодня исторической памяти, то, что мы начинаем ее возвращать, заботиться о том, где мы живем, где выросли.

В моей статье, представленной на Лихачевские чтения, говорится о серьезном кризисе, элементах кризисности в идентификации людей. Специалисты полагают, что кризис идентичности сегодня поразил весь мир,

не только большие, «провалившиеся», как мы говорим, общества, но и мировую систему в целом. Мы говорим о кризисе наций и государств — это явление сегодня заостряет проблему диалога цивилизаций.

Не случайно мы постоянно возвращаемся к теме Украины, где сегодня происходит серьезный разлом. У нас есть основания говорить о том, что нас не понимают, необходимо уделить пристальное внимание заботе о наших интересах, о том, чтобы этот кризис не привел к более жесткому отставанию наших прав на существование, развитие государственности, цивилизации. Кризисные явления в системе наций и государств и вообще кризис идентичности — когда люди стремятся определить, кто мы, куда идем, а также то, с кем мы должны быть связаны, на кого нам сегодня ориентироваться. Сегодня везде — и на Западе, и на Востоке — наблюдается разброд мыслей, везде в глобализующем мире люди сегодня спрашивают, кто мы, что дальше будет, с кем дружить.

Хотя существуют и другие точки зрения. Некоторые высказывают мысль, что глобализация не существует, сегодня происходит партикуляризация, мы отделяемся друг от друга. Глобализация предполагает свободный обмен идеями, людьми и финансовыми потоками. В отношении людей этот обмен вроде бы неограничен. Но сегодня возникает все больше препятствий для свободного передвижения людей, проблема миграции становится очень острой. Где же та свобода передвижения, о которой мы говорим как об элементе глобализации? Если говорить о финансовых потоках, то здесь тоже вступает в силу масса ограничений. Мы сегодня видим санкционную политику, которая бьет по неотъемлемой черте глобализации, что тоже свидетельствует о том, что глобализация, ее позитивный эффект подвергаются атаке. В области свободы информации (это то, что трудно остановить) тоже не все в порядке. Информация, которая используется в интересах дезинформации, безусловно, противоречит позитивным аспектам глобализации, о которых мы говорим.

Необходимо установить диалог и всеобщее обсуждение сложных проблем, с которыми мы сегодня сталкиваемся в непредсказуемом мире, все наши прогнозы оказываются неточными, а зачастую и неправильными. Другого способа решить наши проблемы не существует.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Виталий Вячеславович. Слово предоставляется профессору Ежи Вятру из Польши.

ЕЖИ ВЯТР: — Я прежде всего хочу поблагодарить ректора и Университет профсоюзов за приглашение на Лихачевские чтения. В случае осложнения международных отношений международный диалог культур между народами — важный путь к компромиссу. Я представляю Европейскую высшую школу права и управления в Варшаве, которая была создана 17 лет назад Ассоциацией польских юристов и является главным независимым негосударственным центром образования юристов. Она функционирует не только в Польше, но в других странах Евросоюза, имеет отделения

в Лондоне и научные центры в других местах. 23 января 2014 года сенат Европейской высшей школы права и администрации принял решение присвоить Александру Сергеевичу Запесоцкому звание почетного профессора в знак признания его вклада в укрепление научного и культурного сотрудничества.

Александр Сергеевич, для меня большая честь лично сообщить вам об этом и вручить соответствующий документ.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, для меня это большая честь. Я тронут тем, что в Польше знают и так высоко оценивают мои работы. Наш Университет заключит договор о сотрудничестве с этим замечательным вузом из Варшавы. Для меня этот факт имеет и личное значение. Моя семья связана с Украиной и отчасти с Польшей. Мои отец и дед заканчивали один и тот же юридический факультет университета в Киеве, но когда его заканчивал дед, этот университет носил имя Святого Владимира, когда его заканчивал отец, он назывался Киевский государственный университет. Мой отец родился в маленьком селении на границе Белоруссии и Польши, отсюда и происходит фамилия Запесоцкий. Мне кажется, что сегодня я стал немного ближе к тому месту, где родился мой отец и с которым связана моя семья.

В современных сложных обстоятельствах мы должны задумываться о том, что мы, люди, относящие себя к интеллигенции, отличающиеся высоким образованием, считающие себя людьми культуры, должны делать все для того, чтобы наши народы и в Европе, и во всем мире не ссорились, а дружили, проводили вместе научные симпозиумы, конференции, исследования, выпускали работы. Лучше ездить на научные конференции и знакомиться с работой друг друга, чем устраивать информационные и реальные войны.

Приглашаю на трибуну выдающегося отечественного правоведа Николая Семеновича Бондаря.

Н. С. БОНДАРЬ: — Уважаемые коллеги, первый вопрос: что является одной из основополагающих целей в диалоге культур? Вероятно, одной из таких важных целей может и должно быть достижение баланса ценностей. В культурном пространстве — национальном и интернациональном — правовая, конституционная культура занимает важное место.

Что касается диалога правовых культур, то его концентрированным выражением является такое уникальное правовое, формально юридическое, но прежде всего социокультурное явление, как конституция. Именно в конституции, современном конституционализме содержится квинтэссенция диалога правовых культур современности.

Если говорить о глобальных принципиальных тенденциях, то они связаны с диалогом, столкновением и, может быть, с попытками интервенции одной правовой системы, в частности англосаксонской, а с другой стороны, романо-германской правовой систем.

Если посмотреть исторически на возникновение такого уникального социокультурного явления, как конституция, можно отметить интересный факт.

Хронологически за океаном и на европейском континенте примерно в одно и то же время, по крайней мере в рамках одного десятилетия (это мгновение по историческим меркам), появилась конституция как формально-юридический документ, основной закон. Развитие конституции происходило и происходит в непрерывном диалоге двух правовых семей. Здесь я не имею возможности подробнее останавливаться на этом интересном процессе, который в конечном счете связан с пониманием конституционных ценностей современности, поиском их баланса в условиях противоречивого, конфликтного современного мира, в том числе с проявлениями агрессивности.

Примирение, баланс можно найти прежде всего через посредство юридической Библии, то есть конституции. Один из исследователей конституционализма, наш коллега, председатель Конституционного Суда Армении Г. Арутюнян, активно работающий с архивами, в одном из своих трудов написал, что еще в 1837 году в Армении вышел труд, посвященный проблемам конституции, где конституция обозначается как явление Божие, проявляющееся не через букву конституции, а через ее дух, потому что буква конституции — это удел законодателя, а дух конституции — это то, что является результатом творчества народа и что потом обрамляется в государственно-правовую юридическую форму через политическую, государственную власть.

Кстати, подтверждение этого можно найти в 17-м стихе Евангелия от Иоанна, где сказано, что закон дан через Моисея, благодать и истина произошли от Иисуса Христа. Этот закон — формально юридическая характеристика, конституция, а благодать и истина — это сам дух конституции. И дух конституции неподвластен законодателю, в большой степени дух конституции подвластен судебной власти, потому что она имеет возможность через конституционное правосудие вторгаться в такие духовные характеристики конституции, как ценности, принципы, дефиниции, декларации и тому подобное, в то, что определяет сам по себе дух. И в этом плане конституция — социокультурное явление, и не потому, что там записаны высоким штилем в том числе положения, которые имеют нравственно-этическое значение и т. д.

Обозначу три момента. Во-первых, само происхождение конституции имеет социокультурное начало; во-вторых, конституция отражает социокультурный портрет, это юридический портрет в социокультурном отражении общества и государства; в-третьих, конституция посредством нормативно-правовых механизмов обеспечивает закрепление средств, способов преодоления противоречий, достижения баланса между теми ценностями, действием тех принципов, которые определяются духом этого документа, а не буквой.

Таким образом, язык диалога правовых культур — это прежде всего судебный язык, судебно-конституционный, через конституционное правосудие. Результатом диалога культур в этом плане явилось и то обстоятельство, что не только в США общепризнанной является их Конституция США. Конституция РФ — это тоже живой конституционализм, его сила определяется не тем, что было написано в 1993 году, а тем,

что происходит сегодня. Если бы мы оценивали ее по 1993 году, то тогда должны были бы прийти к выводу, что живем по конституции XX века, а в действительности мы живем по конституции XXI века.

Немаловажно отметить еще одно обстоятельство: конституция — кроме того, что это продукт диалога культур, формально юридический документ, социокультурное явление, нравственно-этическая категория, но и эстетическая категория, которая предполагает оценку этих явлений через понятие красоты: красивая теория верна.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Николай Семенович. Приглашаю к микрофону нашего гостя, отец которого принимал непосредственное участие в создании Организации Объединенных Наций, — профессора Анатолия Андреевича Громыко.

А. А. ГРОМЫКО: — Уважаемые коллеги, я рад выступать на Международных Лихачевских чтениях в вашем Университете, который сейчас, пожалуй, является самой значимой российской площадкой международного плана для гуманитариев. Я поздравляю коллектив Университета и его руководство с тем, что вы не просто проводите интересные конференции, но и публикуете результаты, работы вашего Университета широко известны не только в России, но и за рубежом.

На пленарном заседании украинский коллега упомянул о том, что силу в мировой политике никто не отменял. Сила в политике действительно наличествует, как присутствовала испокон веков сила в жизни людей, еще в первобытном обществе велась борьба за огонь, палицы, дубины были основным средством его добыть и сохранить. Потом появились лук и стрелы, затем, если сократить путь, ядерное оружие. Кстати, это один из основных признаков России как великой державы, поэтому нас никогда не постигнет судьба Украины, которой я глубоко сочувствую. Надеюсь, украинскому народу удастся сохранить единство и свое государство, сила государства всегда оберегала его от внешних врагов. С Советским Союзом, между прочим, все хотели дружить.

В течение 16 лет я занимался изучением Африки, был директором Института Африки, побывал во многих странах этого континента. Не раз убеждался в том, как плохо мы знаем внешний мир и как много у нас друзей в Африке. Дружба — это мягкая сила. Но сила может быть и жесткой, особенно военная сила. Сила может быть также умной и даже мудрой. В том, что касается умной и мудрой силы, перед нами, учеными, стоит цель разъяснить ее задачи. Я сейчас исследую роль силы в мировой политике, как наука может помочь внешней политике России и дипломатии.

Олицетворение мудрой силы — результат Второй мировой войны, в которой решающую роль сыграл советский народ. Сейчас стараются принизить роль советского народа, солдат и офицеров в этой победе. Но если бы не Советский Союз, наш народ и Советская армия, я думаю, настоящее человечество было бы ужасно.

Здесь иногда употребляли такое выражение, как «темное прошлое», из которого трудно почерпнуть

что-либо хорошее. Мне кажется, это не так. Коллективный разум человечества накопил в прошлом много хорошего, в том числе верность слову. Английская королева Елизавета I, известная тем, что отправила Марию Стюарт на эшафот, однажды сказала такую фразу: «Слово королевы прочнее клятвы обычного человека». Мне кажется, что слово руководителя государства, министров должно быть твердым, как клятва. Если нам пообещали новую социальную программу, пусть ее исполняют. Это касается и обязательств, которые наша страна взяла на себя.

9 Мая мы празднуем не только военную победу и взятие Берлина, но и отмечаем День Победы, после которого произошло становление мирового порядка, учрежденного с согласия таких исторических деятелей, как Рузвельт, Черчилль, Сталин, он тогда руководил Советской страной. Эта тройка лидеров с помощью дипломатии в Думбартон-Оксе, Ялте и Сан-Франциско на конференции приняла устав, в соответствии с которым был установлен новый мировой порядок. Если мы легко будем сбрасывать со счетов цели и принципы ООН, то когда-нибудь Россию попросят отдать Калининградскую область со словами: «Это Пруссия, здесь Кант похоронен».

Нашим завоеванием является то, что был установлен порядок, который уже 69 лет убергает Европу от новой мировой войны. Разве это плохой результат? Конечно, происходили и трагедии, в частности здесь упоминались бомбардировки Югославии. Но в целом миру удалось избежать третьей мировой войны. Посмотрите преамбулу Устава ООН — это великий текст: уберечь мир от новой войны — цель ООН, всей антигитлеровской коалиции. И приходится сожалеть, что нынешняя политическая верхушка в ряде стран за пределами России, наши партнеры, как мы их называем, отходят от этих целей. Или войны уничтожат людей, или мы уничтожим войны и справимся с нерукотворными угрозами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Анатолий Андреевич, спасибо. Я приглашаю на трибуну доктора экономики Мануэля Монтеса из Швейцарии.

МАНУЭЛЬ Ф. МОНТЕС: — Для меня большая честь выступать сегодня на этом форуме, я благодарен Университету за приглашение принять участие в нем.

Люди часто используют термины «демократия», «разумное управление» и «главенство закона». И я выступаю не против них, а против того, как они сейчас используются в международной экономике.

Эти три термина стандартны для экономики последнего 30-летия, используются как основания экономических отношений и условие для получения помощи извне, особенно в связи с разделением между югом и севером, востоком и западом. Они становятся препятствием к заключению международных соглашений. Развивающиеся страны настаивают на том, что демократия, разумное управление и главенство закона должны рассматриваться на межнациональном уровне, потому что оказывающие помощь должны понять, как они существуют. Я полагаю, что на этом уровне эти три понятия вообще не существуют.

Названные три категории зависят от ценностей разных культур, но не вполне правильно употребляются, потому что не совпадают с представлениями ряда западных держав. Их использование на Западе характеризуется неполноценностью, поскольку демократия включает много факторов, которые не укладываются в это понятие. Кроме того, существуют двойные стандарты: западные страны не всегда применяют у себя те стандарты, исполнения которых они требуют на международном уровне, и поэтому демократия и главенство закона, о которых говорят много лет, пока не достигнуты.

Мы должны обсудить, почему Запад использует эти три термина не так, как другие страны.

Общество регулируется двумя основными концепциями. На Западе индивидуум, отдельный человек воспринимается как основание общества, считается, что человек не должен быть угнетаем, должен быть свободен в обществе. В ряде стран Востока отражено то, что индивидуум является основой общества, в то же время подчеркивается совершенно противоположная идея о том, что индивидуум может существовать без общества и общество не должно состоять на службе у индивидуума.

Традиционное употребление названных терминов принято в основном в капиталистическом обществе, преследующем цели извлечения прибыли. Роль индивидуума в разных странах может различаться в зависимости от того, с какой стороны мы смотрим на проблемы, возникающие между обществом и международными организациями.

Приведу пример. Международный валютный фонд ограничивает свое вмешательство в зависимости от дефицита демократии в той или иной стране. Например, четыре крупные страны БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай — сейчас производят 24 % ВВП, а четыре крупнейшие европейские страны — только 13 %. Тем не менее в МВФ четыре крупные страны Южной Африки могут получить всего 3 % голосов, а страны Западной Европы — 17,4 %. Такое положение сохраняется последние 15 лет. В январе 2014 года было принято решение о реформировании МВФ, но вряд ли это будет реализовано в ближайшее время.

Таким образом, понятия «демократия», «разумное управление» и главенство закона не всегда справедливо применяются и не могут определять экономические отношения между Западом и Востоком.

Благодарю организаторов этой конференции, а также Министерство иностранных дел, Российскую академию наук за то, что они предоставили такую замечательную площадку для диалога.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Монтес. Слово предоставляется господину Касулидису.

ГЕОРГИОС КАСУЛИДИС¹: — Прежде всего я хотел бы выразить свою благодарность организаторам этой конференции, а также Министерству

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Кипр в Российской Федерации, доктор философии. Автор ряда научных работ, в т. ч. «Государственный портовый контроль и юрисдикция: эволюция государственного портового режима» и др.

иностранных дел РФ, которое пригласило меня принять участие в этой конференции. Хочу признаться, что я приехал сюда не для того, чтобы делать доклад. Но, тем не менее, прослушав выступления, я, как дипломат и гражданин небольшой республики, могу сказать следующее.

Кипр находится на пересечении трех континентов, на перекрестке культур, там сохранилось огромное количество памятников разных цивилизаций. Кипр всегда был стратегической базой, которую иногда оккупировали различные государства. Так Кипр научился жить в зоне конфликтов и проявлять терпимость к разным культурам, религиям и стилям жизни. Так продолжалось до тех пор, пока не наступала внешняя сила и все рушилось. Мы на протяжении последних 40 лет осознавали, что являемся средоточием одного из крупных «замороженных» конфликтов. Кроме того, как дипломат, я стал свидетелем крупных исторических изменений, которые вряд ли кому-либо приходилось наблюдать за свою жизнь.

Я был свидетелем краха Советского Союза, я был в Нью-Йорке, когда произошли события 11 сентября 2001 года и были заложены новые связи цивилизаций. Я был на Ближнем Востоке, когда произошел известный инцидент с карикатурами. Я был в Москве во время украинского кризиса. Что я узнал за время этих кризисов? Порой ситуация выглядит трагично, порой даже смешно. Например, во время второй иранской войны компания «Air France» отказалась присоединиться к альянсу авиакомпаний. Во время второй иракской войны американцы из-за обиды на французов отказались называть французские тосты французскими, а называли их «тосты свободы». Меня выставили из ресторана, когда я посмел заказать французский тост. Часто осмысление таких комических ситуаций занимает много времени и выглядит даже безнадежным.

Соглашусь с рядом своих коллег: все люди хотят мира, гармонии, простой человеческой жизни. В качестве примера можно привести два сообщества на Кипре, разделенные уже в течение 40 лет. Десять лет назад в геополитике произошли определенные изменения, и все ждали худшего. Но ничего не случилось. Люди вернулись к обычной жизни и продолжают жить, стремясь к миру и счастью. За последние 10 лет на острове не было зафиксировано ни одного случая насилия. Когда людей оставляют в покое, они найдут способ сосуществовать в мире. На греческой и турецкой частях Кипра люди мирно живут рядом.

Ряда выступавших уже говорил о том, что нам нужно больше уважать дух, а не букву международных документов. В последние четыре года мы видим, как можно манипулировать этими принципами для того, чтобы манипулировать ООН в собственных интересах, подчиняя все политической целесообразности, чем делать то, что могло бы предотвратить неминуемую катастрофу. «Замороженные» конфликты не всегда будут оставаться в таком состоянии, они могут и «растаять». Но для того, чтобы удовлетворить чаяния людей, мы должны понять эти простые истины.

Впервые за долгое время я имел возможность спокойно выслушать то, что говорят люди по поводу

украинского кризиса. Это самое важное событие за последнее время. Что я понял? Конференции, подобные этой, особенно сейчас, во время серьезного международного кризиса, очень важны. И дело даже не в Украине. Ведь есть и Ближний Восток, и Северная Африка. Когда люди, правительства не слышат друг друга, именно такие конференции дают нам возможность смотреть в будущее, думать, это единственный способ удержать мир от безумия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, господин Касулидис. Я предоставляю слово профессору Владимиру Васильевичу Миронову.

В. В. МИРОНОВ: — Действительно, когда мы говорим о диалоге культур, то не должны забывать самого главного — в любом случае диалог осуществляется между локальными системами, каждая из которых имеет свой смысл и значения. По существу, они всегда находятся в сложных взаимоотношениях. С одной стороны, культуры в этом диалоге всегда пересекаются, с другой стороны, Ю. М. Лотман в свое время отметил, что когда культуры пересекаются, интерес представляет не то, что пересекается, а то, что не пересекается, ибо это условие познания других культур. Поэтому культура оказывается в сложном положении, внутри этих культур возникает целый ряд дихотомий. Об одной из них сегодня говорил Абдусалам Абдулкеримович, это дихотомия «свой–чужой», которая может приобретать разные оттенки. Она может ограничивать культуры друг от друга, а может способствовать пониманию культурами друг друга. Действительно культуры ведут сложный диалог.

В настоящее время мы погружаемся, и эта идея сегодня прозвучала, в нечто единое, что иногда называют глобальной культурой, а я — глобальным коммуникационным пространством, где происходит трансформация локальных культур и реализуется нечто новое. На самом деле все это не так безобидно, как кажется, потому что трансформация не может осуществляться на уровне абстрактных культур, в этом участвуют реальные культуры. В медийном пространстве, которое создается в виде некоего информационного «мешка», в который погружаются культуры, доминирует страна, которая господствует в научно-техническом отношении. И мы прекрасно знаем эту страну, об этом уже говорилось. Это означает, что медийное пространство и его просторы детерминируют с этой страной, начиная со стереотипов поведения, известной улыбки, известного поведения при встрече людей друг с другом и заканчивая стереотипами поведения в более широком плане.

Рассмотрим правовую систему, о которой сегодня тоже упоминалось. Гадис Абдуллаевич недавно выпустил работу «Антология права», которую мы обсуждали на одной из дискуссий. Когда культура трансформируется, возникает ситуация, когда эта трансформация идет подспудно. То есть определенная культура выступает в качестве донора, культуры как бы «заражаются» этими вирусами. Мы иногда говорим об американизации не потому, что мы

любим или не любим Америку. Сегодня мы видим, что дети действительно не знают, кто такая Баба Яга, но знают Микки Мауса.

Мы не замечаем, как культура начинает трансформироваться изнутри. Любопытно, что одним из носителей вирусов внутри культуры является право. Право, которое доминирует, так же навязывается страной, лидирующей или называющей себя лидером в современном мире, и оно начинает воздействовать на другие системы права. В результате возникает конфликт между международным и национальным правом — это серьезная философская проблема. Национальные системы права (англосаксонская, римская, немецко-австрийская модели) всегда отражают специфику собственной культуры, как бы она ни выстраивалась, в любом случае она всегда ориентируется на национальную систему, потому что рассчитана на человека, отражает жизнь человека в этой культуре. Для того чтобы реализовывать это право, должен учитываться менталитет. Трудно заставить русского человека переходить улицу на зеленый свет, какое бы право ни доминировало.

Долгий период международное право представляло собой фактически результат договоренностей между соответствующими субъектами права. Тем не менее даже в этой мягкой форме общности правовые нормы и параметры могли значительно расходиться с правовой практикой. В конкретной культуре если не доминировала, то всегда была значительна та часть, которую мы условно называем национальной частью правовой системы. Часто эти факторы лежали в основе фундамента права, обоснование которого до сих пор является одной из самых трудных задач.

Современные модели, которые существуют или конструируются в международном праве, — это попытки создания (и сегодня об этом уже говорили) права на основе конституции. Возникает коллизия — как создается это конституциональное право? Что это — результат абстрактной модели или совокупность других моделей? Ответ достаточно прост и печален: модель берется из той страны или того конгломерата стран, которые объявляют неким цивилизационным лидером. Лидером объявляется США, поэтому, когда сегодня европейцы с гордостью говорят о том, что они европейцы, они должны понимать, что через определенное время им придется себя называть американцами. В этом смысле американская модель права выполняет, используя уже приводимую метафору, своеобразную роль культурного вируса, модифицируя правовые системы.

Основанием для данных процессов является становление транснационального рынка, в который включаются все страны, мир становится единым. Тем не менее это происходит не само по себе, а в результате активного давления стран-лидеров (через культурные, правовые стереотипы и т. д.). В результате абсолютизируется позитивный характер экономической интеграции, на основании чего отказывается в самобытности национальным приоритетам государства и т. д. Причем в рамках такого подхода сразу определяются победители — те страны, которым повезло, они успе-

ли сесть в уходящий поезд глобализации. А те страны, которым не повезло, должны либо бежать за поездом, либо подстраиваться под эту систему. В результате странам-лидерам непонятно кем предоставляется право поучать другие страны, вплоть до вооруженного вмешательства.

Сегодня на пленарном заседании звучали рассуждения о праве и Боге, с которыми я согласен. Вспомнилась блестящая работа Канта «Спор факультетов». Неясно было, почему медики объединились с философами, а юристы, которые, казалось бы, должны были объединиться с философами, — с теологами. Это произошло именно поэтому, что не понятно, как фундаментализировать право. Если есть Бог, тогда фундамент в Боге. Но тут возникает дискуссия, насколько этот фундамент имеет место.

Сегодня происходит резкое расширение правовых источников международного права за счет того, что выделяется группа цивилизованных стран. Это вызывает серьезные протесты, в частности в Европе. На базе Конституционного Суда недавно состоялась дискуссия. Председатель Конституционного Суда Австрии подверг жесткой критике попытку создания европейской конституции, причем указал на то, что в основе лежит сомнение в демократичности принятия решений. Решения принимаются, допустим, австрийским народом, а потом оказывается, что международное право главенствует над решениями, которые принимает австрийский народ. Как быть? Если раньше право на уровне индивида не вмешивалось, то сегодня целый ряд нормативов позволяет международному праву это делать. Возникают такие коллизии, которые воспринимаются неоднозначно, в том числе в Европе, где предпринята первая попытка создания единой Конституции. Это серьезная вещь, но она не реализовалась.

Здесь возникает серьезная проблема — значение философии, стыковой проблемы философии и права, или то, что мы иногда называем философией права, чрезвычайно возрастает. Потому что без понимания фундамента, того, в каком направлении это будет развиваться, будет изменяться и диалог культур.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Владимир Васильевич. Слово предоставляется Почетному доктору нашего Университета Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК: — Выдающийся русский писатель Михаил Михайлович Зощенко как-то сказал: «Жизнь — штука суровая, не для интеллигентов». Я упомянул об этом, потому что здесь прозвучало дорогое для меня слово «интеллигент». Вообще, сейчас трудно найти какие-либо слова, которые имели бы преимущественно одно значение — положительное либо отрицательное.

Здесь присутствует, как мне кажется, элита интеллигенции, ученые. Вне зависимости от того, работают они в учебных заведениях или научно-исследовательских институтах, здесь собрались люди, которые, как мне представляется, преданы главной ценности, которую разделяют интеллигенты, особенно интеллигент-ученые, — преданность правде, истине. Когда в науке

появляется истина? Тогда, когда есть некий предмет, который можно исследовать и на основе исследовательских процедур констатировать.

Здесь выступал великолепный журналист Юрий Голигорский, который сказал, что журналисты в любой ситуации должны четко отграничивать сообщение, информацию, факты, которые они устанавливают, от комментариев. Так же должны поступать и ученые в науке — отграничивать факты, которые поддаются исследованию, честно заявлять о том, что эти факты существуют, когда они уверены в этом. Честно сообщать о том, что найдены определенные доказательства, которые подтверждают эти факты, но они недостаточны для категорических утверждений, что это является только версией.

Дмитрий Сергеевич Лихачев правильно сказал: «В жизни многое, и в политике, и в науке, зависит от случая. Не нужно верить в какие-то закономерности, которые в обязательном порядке пробьют себе дорогу». Но в науке есть уровень наукографии. Это точные конкретные факты, которые устанавливаются. Здесь есть уровень закономерностей. Это значительно более сложный уровень для познания, но особенно привлекательно — попытаться оценить, есть ли закономерности в нашей жизни либо все подвергнуто воле случая.

Я задумался о том, происходят ли (не хочу употребить слово «прогресс», потому что оно оценочное) какие-то изменения в определенном направлении. Мне они представляются прогрессивными, а кому-то — наоборот. Какие изменения произошли в жизни человечества в гуманитарной сфере?

За последние 6–7 веков обозначились две тенденции. Первая — все большая персонификация индивида, свобода и достоинство личности. Личность на протяжении последних веков все больше освобождается от ограничений, определенных внешних норм, которые предписывали бы ей, как себя вести, от ограничений власти, коллективных образований. И этот процесс, как мы знаем, проходит не безболезненно, что мы сейчас наблюдаем относительно тенденции признания на Западе, скажем, однополых браков. Это происходит не во всех странах, только в одной или двух, где однополым партнерам разрешено усыновлять или удочерять детей. Сейчас поднялся шум вокруг бородачатой женщины Кончиты Вурст. То есть речь идет о том, что свобода личности становится все более широко признаваемой ценностью.

Вторая тенденция — изгнание насилия из жизни государств, политической, общественной жизни, просто из жизни людей. Насилие ушло из сферы труда — соответственно рабский труд сейчас преследуем, презираем, запрещаем. Насилие ушло из сферы правосудия — нельзя пытать, применять меры насилия к подозреваемым, обвиняемым (кстати, всего 150 лет назад). Насилие ушло из сферы семьи, воспитания детей. И вновь это происходит не безболезненно. Например, в России сейчас стали отстаивать свой генетический код, соответственно нельзя запрещать родителям телесно наказывать ребенка, скажем пороть. А недавно это было нормой. Наконец, насилие уходит из международной жизни. В общем, тогда, когда происходит агрессия,

она не оценивается положительно, всегда прикрывается необходимостью прервать геноцид, защитить права человека. Иными словами, на ценностном уровне то, что мы называем приоритетом прав человека, признается, как мне кажется, во всем мире. И в общем это сейчас не просто благие пожелания.

На пленарном заседании упоминались Устав ООН, Декларация прав человека и гражданина (французская, 1789 г.), Декларация прав человека, пакты о правах человека. Что самое интересное, их подписывали недемократические страны: Советский Союз, который в то время был тоталитарным, репрессивным государством, страны Азии. То есть на ценностном уровне это уже закреплено в правах, которые содержатся в международно-правовых актах. Но по этому поводу сейчас ведется дискуссия.

В чем-то Михаил Михайлович Зощенко прав. Жизнь сложная, противоречивая, часто парадоксальная. Иногда возникают ситуации, при которых некие политические интересы искажают общую картину и не позволяют линейно, прямо идти по этому пути, не прибегая к временным ограничениям. Более того, бывает и так, когда интеллигент хочет использовать власть в своих политических интересах.

Что происходит сейчас? Это вакханалия абсолютной лжи, извращения фактов, которые мы наблюдали по нашему телевидению, а украинцы — по своему. Это пароксизм, истерика, в которой бились представители журналистского сообщества. Что в таком случае делать нам, интеллигентам? Проявляется нетерпимость. Как это описать? Одни говорят о вторжении, захвате, другие — о воссоединении. Я назову нейтрально — соединение с Крымом. Один человек использовал право на свободу слова. Что началось? Посмотрите, что сейчас происходит с навязыванием нам квасного патриотизма, который заключается в следующем: моя страна права, потому что она моя. Я полагаю, нам не нужно забывать слов Чаадаева: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами... Предпочитаю бичевать свою родину, огорчать ее... только бы не обманывать ее».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Генри Маркович. Я приглашаю на трибуну Хуана Антонио Марка, Чрезвычайного и Полномочного Посла Испании в РФ в 2008–2011 годах.

ХУАН А. МАРК: — Александр Сергеевич, большое спасибо за приглашение выступить на этом форуме и поделиться своими наблюдениями с молодыми людьми. Как говорил один из наших министров, мы должны думать о будущем, а будущее — в руках молодого поколения, которое здесь присутствует. Грядущим поколениям я рекомендую прочитать фантастическую книгу Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». В ней описывается, как кончается XIX век — Первой мировой войной — и какие изменения происходят к 1914 году. Автор пишет о том, что в течение пяти лет, когда не было войны продолжительность жизни составляла 40–45 лет. Поколение, которое не знало войны, молодые французы, пошло на Первую мировую войну и было вынуждено воевать,

для них это было нечто вроде вечеринки, где каждый хотел продемонстрировать свою мощь, а три года спустя каждый из них говорил, что это кошмар, катастрофа. Этот исторический момент ощущения всемогущества трансформировался в глобальную катастрофу для всех и каждого. Я хотел бы, чтобы таким образом мы относились ко всем речам, которые пытаются пробудить в нас героизм.

Сейчас уже XXI век, и можно добиться процветания всех и каждого. Разница между нынешним веком и прошлым состоит в том, что интеллектуальные возможности каждого человека увеличились, это сокровище, которым мы должны дорожить в любой обстановке.

На конференции под названием «Диалог культур и партнерство цивилизаций» основной вопрос заключается в том, чтобы объединить большую скорость глобального мира с различными уровнями развития, потенциалом конкуренции. В глобальном мире конкурентоспособность станет основным показателем. Те, кто сможет конкурировать с другими, одержит верх. А те, кто не сможет, так же быстро опустятся на дно. Глобализация действует как усилитель тенденции подъема или падения. Глобализация подобна марафону. Мы пригласили всех участвовать в этой марафонской гонке. Но многие старые, либо совсем юные, либо не готовы. Через определенное время старые страны теряют силы и падают, те, кто помоложе, — быстро устают. Но есть те, кто думает, что это надо реорганизовать, урегулировать так, чтобы все могли бежать с одинаковой скоростью. К сожалению, такое часто встречается в реальности.

Издревле Европейский Союз — это сообщество с единой культурой. Но кто-то решил, что его можно лучше организовать для того, чтобы Европа работала как единое сообщество. Реорганизацию старой Европы назвали общественной архитектурой. Этому способствовал успех США. Американцы создали большую страну, включающую 51 штат, 300 млн человек. В Европе мы попытались сделать то же самое, назначили председателя Еврокомиссии, такого мистера Европа. Но никто не подумал о том, как управлять отдельными государствами.

Что делать, если невозможно управлять разнообразием в глобальном объеме? Политики должны сказать новому поколению, что сейчас настало проблемное время, поэтому нужно прикладывать усилия. Отдыхать и почитать на лаврах некогда. Возможности есть для всех. Кроме того, на пути подстерегают разные капканы и ловушки. Вам предстоит жить в сложное время, где будет много возможностей, но вас может ожидать и колоссальное разочарование. Также важно, по моему мнению, сохранить существующие европейские глобальные институты, такие как ООН и ВТО, и постараться их улучшить. Каждый раз, когда мы пытаемся создать менее структурированную организацию, она рушится во время первого же кризиса. Например, G7 показала свою недостаточность во время кризиса, а G21 не удается управлять.

Мы 20 лет живем в мире, где существует система сдержек и противовесов. По крайней мере мы мо-

жем нейтрализовать то, что могут сделать другие. В ближайшем будущем на двух полюсах будут находиться Китай и США. Китай за 20 лет поднялся с 200 до 6300 долларов ВВП на душу населения. Но есть еще и Россия, и Европейский Союз. Основная задача, стоящая на повестке дня между Европой и Россией, — попытаться преодолеть небольшие разногласия, которые существуют между нашими древнейшими цивилизациями, и постараться создать еще один новый центр силы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово представляется Виталию Товиевичу Третьякову, известному российскому журналисту.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Мой доклад называется «В любом диалоге всегда есть победитель». В связи с этим и с тем, что уже многократно звучало в этом зале, хотелось бы поделиться целым рядом сомнений относительно способности, возможности, необходимости того, что называется диалогом вообще и диалогом культур в частности. Прежде всего мы по-разному трактуем слова «диалог» и «культура». Так же как по-разному трактуют слова «диалог» и «культура» Меркель, Путин, Обама, Турчинов, Яценюк и Янукович. Только на Украине существует много трактовок слова «диалог». Сообщают, что на Украине начался национальный диалог, в частности П. П. Толочко рассказывал о том, что там происходит. Все формально соблюдено. Идет национальный диалог, но за национальный круглый стол не позвали тех, с кем больше всего не согласны. Все бывшие президенты Украины, за исключением Януковича, что-то обсуждают между собой.

Когда я сегодня слышу выражение «дорожная карта», то понимаю, что ничего хорошего из того, по поводу чего составлена дорожная карта, не получится. Во-первых, существует русское, достаточно бюрократическое выражение «план работы» на определенный срок. Его замена на дорожную карту означает специальное затуманивание или бессознательное самозатуманивание. Я опасаясь, что диалог культур все чаще, иногда спекулятивно, а иногда невольно, трактуется как рецепт на все случаи жизни.

Во-первых, кто в конечном счете победит в диалоге массовой и высокой культуры? Во-вторых, может ли вообще вестись диалог между массовой и высокой культурами? В-третьих, нужен ли тогда этот диалог? Я не отвечаю на вопросы, а лишь ставлю несколько дополнительных вопросов к тому, что здесь уже было обозначено.

Затрону тему, которая прозвучала с этой трибуны. Нужен ли такой диалог культур? Например, в диалоге естественной культуры взаимоотношений полов, хотя гермафродиты были всегда.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Там побеждает дружба.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — И гей-культура. Нужен ли такой диалог? Кто в результате победит? Может быть, нужно все взвесить, оценить результат? Может быть,

не нужно вести этот диалог, если победитель будет такой? Или нечто еще более гермафродитное, чем сами гермафродиты. Я только ставлю вопросы.

Или другой вопрос: к чему привели успехи медицины? К тому, что сегодня в самой цивилизованной части человечества, я имею в виду западноевропейские страны (в Европе есть и менее цивилизованное пространство — перед Уралом), возрождаются обычаи, о которых рассказывали как о средневековых ужасах. Нецивилизованные люди, жившие в железном веке, относили стариков в лес, чтобы не кормить их, и там их съедали волки или они умирали сами. Нам объясняли, что это нехорошо. Сейчас в этой самой цивилизованной части самые цивилизованные люди ведут дискуссию о том, делать ли эвтаназию 80–90-летнему старику или старушке. Это стало возможно в результате успехов медицины. То есть вопрос о жизни и смерти, который с помощью медицины пытались максимально отдалить в пользу жизни, теперь трансформировался в вопрос, убивать старика или нет, потому что он мучается. Может быть, не нужен такой прогресс медицины? Я лишь ставлю вопросы.

Теперь хотят распространить эвтаназию и на детей. Уже принято решение, что можно то же самое делать с детьми, которые мучаются от боли, неизлечимых болезней. Но, может быть, тогда не нужно идти против природы со своим медицинским искусством и стимулировать начало жизни беспомощных плодов, чтобы потом, через 14 лет, по поводу спасенного принимать решение убить, потому что ему слишком больно.

Как-то в Санкт-Петербурге Чингиз Айтматов (ныне уже покойный) собрал конференцию, посвященную теме культуры мира. Это была тема его публицистических, философических работ, многих конференций, которые он проводил. Я выступил с сообщением «Культура войны», где на очевидных фактах, известных даже неисторику, простому человеку, который что-то читал, изучал, показал, что история человечества странным образом больше похожа на историю войн, прогресс технически больше похож на совершенствование прежде всего орудий убийства. До сих пор лучшие умы работают над их разработкой. То есть существует целая культура убийства, орудий убийства...

Я высказал простую мысль нормального человека, что, может быть, история человечества — это история войн и коротких промежутков между ними для подготовки следующей войны. Если это так, то нужно по-другому подходить. С этим нужно бороться не только утверждениями о том, что есть некая культура мира, которую достаточно распространили и она вообще свойственна человеку, а два-три политика ее не ущемляют. Чингиз Торекулович задумался над этим, ему понравилось мое выступление. Во всяком случае оно выглядело неким диссидентством на фоне того, о чем говорили остальные.

Я предлагаю всем присутствующим задуматься еще раз над тем, со всеми ли культурами нужно дискутировать, все ли они заслуживают того, чтобы вступать с ними в дискуссию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Виталий Товиевич. Слово предоставляется профессору Андрею Вадимовичу Смирнову.

А. В. СМИРНОВ: — Мы уже выслушали много докладов — блестящий фейерверк. Но вот о чем я подумал: это был диалог или серия монологов? Вопрос риторический, потому что ответ на него очевиден: серия монологов. А давайте представим себе, что каждый человек — это культура. Это нетрудно сделать, потому что каждый из нас — это мир. Когда умирает человек, умирает целый мир. Коллеги, мы сегодня выступаем с одной трибуны перед одной и той же аудиторией. Даже повод для выступлений у нас один. Легко ли нам превратить серию наших монологов в диалог? Если мы подойдем к этому вопросу с той точки зрения, которую обосновал академик Гусейнов: «свой–чужой», то речь каждого — это «свой» монолог, но другие монологи — «чужие» или «свои»? Как это понять? Думаю, что шаг вперед можно будет сделать, если понять, чем диалог отличается от двух монологов. Люди, которые разговаривают друг с другом, или империи средств массовой информации — скажем, российская, украинская, западная — разговаривают друг с другом. Это диалог или несколько монологов, которые разворачиваются в одном пространстве, вокруг одной оси? Чем одно отличается от другого? Вопрос, с одной стороны, теоретический, с другой — прямо относится к тому, о чем мы говорили. Если это не диалог, а ряд монологов, которые параллельно ведут разные люди или культурные образования, то такие монологи легко перерастают сначала в словесную перепалку, а потом и в военное столкновение. И расстояние от «диалога» до военных действий оказывается очень коротким.

Чем же подлинный диалог отличается от двух монологов на одну и ту же тему? На мой взгляд, только одним. В настоящем диалоге каждая из сторон понимает, что говорит другая. Не делает вид, не стремится победить другого, хотя и хотела бы утвердить «свою истину», а прежде всего старается понять. Как этого достичь? Если обратить внимание на вторую часть слова «диалог», которая созвучна слову «логика», то, возможно, мы как-то приблизимся к ответу. Диалог бывает подлинным, когда мы оцениваем слова собеседника не через призму своего взгляда на мир, а понимаем его логику, видим оправданность его высказываний. Когда же речь идет о культурах, диалог предполагает понимание логики другой культуры. Мы сегодня часто произносим слова «диалог», «диалог культур». Но присутствуют ли в этом поле диалога *другие* культуры? Абдусалам Абдулкеримович поставил вопрос: как найти тот ракурс, который позволил бы смотреть на другие культуры не как на «чужие», а как на «тоже культуры»? Такая точка зрения и будет точкой зрения логики культуры. Если мы постараемся понять, как устроены логики разных культур, то осознаем, что другая культура — это «тоже культура». Она не наша, не «своя» для нас, но и не «чужая», то есть не отторгается. На этом поле предстоит большая работа. Прежде всего придется потрудиться философам,

потому что вера в универсальность логики, в единственность рациональности — давняя философская вера. Возможно, из-за этой веры коллеги захотят со мной поспорить. Но она уже в XX веке самими философами и логиками много раз была поставлена под сомнение и даже отвергнута. Возможность множественности логик можно считать доказанной.

Среди присутствующих много моих коллег — арабистов, поэтому мне хотелось бы обратиться к арсеналу блестящей, богатой арабской культуры. В XIII веке на Арабском Востоке жил выдающийся ученый Ибн Араби, до сих пор признаваемый в исламском мире как величайший мыслитель, представляющий суфизм, то есть исламский мистицизм. Его титул — Величайший шейх суфизма. Он сформулировал ряд тезисов, которые можно принимать в качестве девиза для форумов, подобных нашим. Ибн Араби предлагает такую формулу: любое вероисповедание истинно, но только в том случае, если оно не отрицает истинность любого другого вероисповедания. Вдумайтесь: признание истинности любого другого вероисповедания служит условием истинности твоего собственного, так что невозможно поставить под сомнение никакое вероисповедание, не сделав собственное ложным. Эта формула покоится у Ибн Араби на солидном фундаменте его учения, которое, конечно, невозможно излагать здесь. Давайте применим эту формулу к культуре: любая логика культуры истинна, но только до тех пор, пока она не отрицает истинности и правомерности логик других культур. Именно такой подход позволит обеспечить такое состояние, когда другая культура, не теряя своей самобытности, будет восприниматься не как чужая или чуждая, а как необходимое условие моей собственной культуры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо большое. Сейчас на трибуне профессор Григорий Борисович Клейнер.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Спасибо большое, Александр Сергеевич. Уважаемые коллеги, в чем состоит притягательная особенность нашей конференции? Почему мы так стремимся сюда? Наверное, потому, что здесь мы ищем ответы, которые невозможно найти в рамках отдельных дисциплин: на экономические вопросы, не имеющие ответов в пределах экономики; политические, на которые не дает ответов политология, и культурологические, которые не имеют ответа в рамках самой культурологии. Сочетание этих трех направлений — экономики, политики и культуры, как мне представляется, является лицом нашей конференции. Я бы хотел сопрячь это с тем, что происходит сегодня. Владимир Ильич Ленин писал, что политика — это концентрированное выражение экономики. Глядя на то, что происходит в экономическом мире сегодня, в частности известные санкции, мы видим, что, наоборот, экономика является выражением политики, и политика порой противоречит экономическим интересам.

Но самое плохое то, что происходит определенное слияние экономики и политики. Как разные черты,

объединенные в образе не однажды упомянутой сегодня Кончиты Вурст, слияние экономики и политики мне представляется негативным явлением сегодняшнего мира. Это самостоятельные сферы, они должны развиваться по своим законам и существовать не как стороны поверхности листа Мёбиуса, где одна перетекает в другую, а как две независимые, хотя и взаимосвязанные области. Но кто может обеспечить баланс между ними, самостоятельность при связанности? Мы ищем ответ в третьей сфере, которая входит в нашу конфигурацию, — в культуре. Разумеется, особенности национальных или иных культур могут сыграть дифференцирующую роль, а порой и привести к неприятным последствиям в виде военных конфликтов. Но все же, как мне представляется, основное значение культуры в том смысле, в каком ее понимал Дмитрий Сергеевич Лихачев, — объединение, то, что не позволяет политикам и экономистам принимать решения, направленные против интересов человека. В этом главная роль культуры в современном мире, особенно с учетом того, что происходит за границами нашей страны, да и в ее пределах. Именно сегодня на культуру возлагаются особые задачи. Думаю, что наша конференция должна попытаться решить эти задачи и реализовать историческую, не побоюсь этого слова, миссию культуры.

Четыре имени, на мой взгляд, лежат в основе соединения экономики, политики и культуры. Адам Смит фактически ввел понятие экономического человека и представлял сочетание интересов человека и общества в виде невидимой руки рынка. Это экономика, основанная на бизнес-проектах отдельного человека, которые, реализуясь, приводят к росту благосостояния всего общества. Второй на этом пути — Торстейн Веблен, который говорил об эволюционирующем человеке. Основа его теории — процессное понимание экономики. Третий человек, предложивший новое понимание окружающего мира, — академик Вернадский, который воспринимал мир в космическом масштабе, где техносфера, биосфера, социосфера и так далее сливались в единую ноосферу. Наконец, четвертое имя, которое, как мне кажется, в определенном смысле венчает эту пирамиду, хотя эти циклы и эти концепции будут повторяться. Так вот, четвертый — Дмитрий Сергеевич Лихачев. Если человек из концепции Вернадского ближе всего, как мне представляется, к религиозному человеку, для которого главное не победа в конкурентной борьбе, а связь со всем миром, в том числе воплощенная в связи с Богом, то, в противоположность этому, человек Лихачева — реальный, земной, интегрирующий в себе не только европейскую и азиатскую цивилизации, не только экономику и политику, но и вообще все стороны земной жизни. Именно такой человек, интегрирующий культуру, экономику и политику, должен стать объектом нашего изучения. Да здравствует человек Лихачева. Благодарю за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Профессор Жан Терентьевич Тощенко, прошу Вас.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Прежде всего я хотел бы обратить внимание коллег на то, что тема нашей конференции подразумевает не только диалог между народами и социальными группами. Это также диалог между прошлым и настоящим, а в определенной степени и будущим. Именно непонимание, нежелание уважать, учитывать и модернизировать культуру, сформировавшуюся на предыдущем этапе, и сопоставлять ее с современностью, зачастую являются источниками противостояния и конфликтов.

Второй момент. Большинство коллег, выступавших здесь, останавливались в основном на проблемах духовной культуры. Но огромную роль в нашей жизни играет материальная, экономическая культура — культура производства, труда. Один мой давний знакомый — директор авиастроительного завода, который сейчас восстанавливается, пытается решить очень сложную проблему. Выделены финансы, есть материальная база и прочие необходимые составляющие, кроме одного: нет соответствующих кадров. Инженеры и высококвалифицированные рабочие либо сменили профессию, либо ушли на заслуженный отдых или вообще из жизни. И он в растерянности: «Кто же будет решать поставленные задачи?»

Мы с коллегами недавно завершили уникальное исследование по экономическому сознанию и поведению. Мы сравнили последние годы советской власти и 2012–2013 годы. В отличие от сравнительно монолитного взгляда на социалистическую экономику в советское время, сегодня мнения сильно дифференцированы. Пышным веером представлены идеи, включающие друг друга, и у каждой есть приверженцы, доказывающие ее право на существование. Эти идеи во многом являются и причиной политических битв. В частности, был задан вопрос: «Как вы оцениваете российские экономические реформы? В верном

ли направлении идет развитие страны?» Примерно, 40 % сказали «да», еще 40 % — «нет», 20 % затруднились с ответом. Можно ли в этой ситуации объявить, что кто-то из них неправ? Думаю, что и те и другие могут привести много доводов в обоснование своей точки зрения. Поэтому надо рассматривать эти вопросы несколько в другом плане.

Я не вполне согласен с уважаемым профессором Резником, который сказал, что в обществе уменьшается насилие. Я убежден (и наши данные подтверждают): насилие никуда не девается, оно просто принимает более изощренные формы, в том числе и в сфере труда. По крайней мере, наше исследование показало, что люди значительно больше, чем прежде, боятся безработицы. Оплата труда и вообще ситуация на предприятиях оставляет желать лучшего. На вопрос: «Если вы станете лучше работать, то будет ли стимулироваться ваш труд?» ответы практически не изменились по сравнению с советским периодом. Заметно изменился только один показатель: в настоящее время люди свободнее в выборе и в большей мере обладают возможностью приобрести различные товары. В связи с этим возникает вопрос: стоило ли подвергать страну таким потрясениям, чтобы в итоге ограничиться одним позитивным изменением — наличием товаров в продаже?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Жан Терентьевич. Приглашается профессор Виктор Федорович Петренко.

В. Ф. ПЕТРЕНКО: — Я коснусь психологических аспектов диалога культур. Всем известны высказывания Мартина Хайдеггера «Язык — дом бытия» и Людвиг Витгенштейна «Границы моего языка означают границы моего мира». Целые семантические области выпадают из сознания, если заблокировано какое-то значение. То есть язык — это средство построения мира. В связи с этим мне хотелось бы подчеркнуть одно из базовых противоречий. Когда мы говорим о победе в диалоге, то подразумеваем, что существует одна железобетонная истина — объективная реальность. Однако это устаревшее представление: есть объективная реальность, и мы в своем познании все время к ней приближаемся, получаем какие-то неопровержимые факты в экспериментах, интерпретируем их и т. д. Однако уже Эйнштейн отмечал, что нет фактов вне теории. В зависимости от теории, языка, создаваемых нами конструктов мы выделяем те или иные фрагменты мира и способны воспринять их. Таким образом, разные языки — это не более чем гипотезы (вспомним хотя бы теорию лингвистической относительности Сепира–Уорфа), разные модели мира. Они обладают различной степенью истинности — или следует признать, что истина множественна.

Вообще-то истина — это уже довольно архаичное понятие. Человек строит модели мира в своем сознании, которые могут быть разной степени полноты, эвристичности, даже красоты и этичности. Это отчетливо проявляется, например, в квантовой физике.

Поэтому диалог культур не предусматривает победы кого-либо из участников общения. Он ориентирован

¹ Член-корреспондент РАН, декан социологического факультета и заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 550 научных публикаций, в т. ч. 18 монографий: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное планирование в СССР», «Социальное проектирование», «Парадоксальный человек», «Три особенных лица власти», «Этнократия: история и современность (социологические очерки)», «Социология труда: опыт нового прочтения», «Теократия: фантом или реальность?», «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)» и др.; а также учебников: «Социология», «Социология труда», «Социология управления», «Политическая социология». Редактор и член авторского коллектива тематического словаря-справочника (в 2 кн.) «Гезаурус социологии», библиографического словаря «Социологи России и стран СНГ». Под его редакцией вышли 14 выпусков, посвященных исследованию проблем интеллигенции в современной России, среди которых: «Интеллигенция и власть», «Интеллигенция в мире современных коммуникаций», «Интеллигенция в этноконфессиональном мире», ««Старая» и «новая» интеллигенция: общее и особенное», «Организация и самоорганизация интеллигенции в современном российском обществе» и др.

Руководитель Научного совета РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике». Главный редактор журнала РАН «Социологические исследования». Член редколлегии журнала РАН «Social Sciences» и «Социология» (Беларусь). Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Почетный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского. Награжден Серебряной медалью им. Питирима Сорокина.

на понимание иной позиции, которая тоже может быть интересной, адекватной, эвристичной. Буддисты говорят, что отрицание великой истины есть тоже великая истина. Я солидарен с коллегой Смирновым, который написал замечательные работы об арабской логике, буддийской и т. д. Разные языки конструируют несколько различные модели мира, а различные культуры могут вступать в диалог, кооперацию, конкурентные отношения и др. Карл Клаузевиц в свое время сказал, что страна, неспособная кормить свою армию, будет кормить чужую. Так же и страна, не культивирующая свои гуманитарные институты, исчезнет, растворившись в других культурах. А сегодняшние сокращения гуманитарных институтов, возможное закрытие Института искусствоведения, отъем помещений у Центра Рериха, Института философии свидетельствуют о сужении гуманитарной составляющей нашей науки и познания.

В психологии часто применяется реконструкция картины мира другого человека или других социальных, национальных, культурных, религиозных групп. Это так называемая психосемантика, связанная с построением многомерных семантических пространств, где по осям этих пространств в качестве базовых категорий выступают те категории сознания, которые мы выделяем как присущие представителям данной культуры, а объекты задаются как координаты точки внутри этого семантического пространства. Например, мы проводили исследования политических партий начиная с 1989 года, когда это стало возможно. Одним из интересных результатов стало нарастание когнитивной сложности, размерности этих семантических пространств, усложнение политического сознания. Мы можем строить такие семантические пространства в самых разных областях — религии, искусстве. Сознание каждой личности гетерогенно. Человек может быть когнитивно сложным в футболе или политике, но когнитивно простым в восприятии абстрактной живописи.

С точки зрения диалога интересен вопрос о едином учебнике истории, который рассматривал академик Чубарьян. В принципе, утверждение однозначной позиции ведет к формированию «одномерного» человека, который способен воспринимать мир только с одной позиции. Но давайте вспомним теорию полифонического романа Достоевского, разработанную Бахтиным. В рамках одного текста выступает с позиций Дмитрия Карамазова, Федора Карамазова, Алеши Карамазова, великого инквизитора и т. д. То есть многомерность присутствует в одном и том же тексте.

И последнее. Многие психологические техники учат людей вставать на позиции других. У Юнга есть красивый образ: человеческое сознание — как мангровая роща. На поверхности мы видим множество деревьев, но в глубине все они срослись корнями. Есть эмпатия, сопереживание, взаимодействие на уровне бессознательного. И есть множество методик, в частности созерцания в медитации или психотренинга, которые позволяют человеку устранить субъект-объектную оппозицию, лежащую в основе представления «свой-чужой», и научиться сопереживать другим людям или культурам, в том числе и на уровне бессознательно-го. На мой взгляд, одна из важных задач на данный

момент — внедрение в массовую культуру подобных практик работы с бессознательным, которые настраивают на взаимопонимание и эмпатию, ощущение и понимание другого человека.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Виктор Федорович. Пленарное заседание завершает профессор Николай Андреевич Хренов. Прошу.

Н. А. ХРЕНОВ: — В своем выступлении хочу продолжить тему, начатую профессором Чуровым и подхваченную академиком Гусейновым, — тему войны. Вообще-то философия никогда ее не обходила. Напомню, что когда столетие назад началась Первая мировая война, многие философы не раз выступали по этому вопросу. Альфред Вебер писал, что в начале XX века мир как никогда был близок к единству. Но катастрофа случилась. Интенсивные процессы глобализации сегодня стимулируют вопрос об обретении единства человечества, но опасность войны все же не исчезает. Говорят, что Вторая мировая война — это второй акт Первой. Да, XX век трудно представить без этих двух войн. Наверное, именно поэтому гуманитарная наука вызвала к жизни концепт диалога как средства выживания, в том числе и между цивилизациями. Так получилось, что после философской и научной революции XVIII — возникновения духа модерна — началась цепная реакция революций. XIX век стал веком революций, XX — веком кровавых мировых войн. Были ли они были следствием революций и духа модерна? Мир стал нетерпелив, и логика эволюции казалась безнадежно устаревшей. Со временем стала осознаться негативная сторона модерна. Социальное обновление с помощью революций оборачивалось разрушением культуры. Кризис мировосприятия модерна следует отслеживать не от появления в 1947 году известной книги М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения», когда впервые была осознана оборотная сторона модерна. Может быть, крах модерна произошел именно в ходе Второй мировой войны. Заодно были похоронены иллюзии русских, выражением которых стала, как следствие модерна, революция 1917 года. Кажется, что война демонстрирует отрицание всякого диалога. Перечеркивает диалог. Диалогические отношения между народами она переводит на противостояние сил. Сила становится решающей. Об этом здесь говорил профессор Толочко. У кого больше силы, тот способен навязать монолог, подчинить и подавить другой народ, заставить побежденного быть зависимым, отречься от себя, перестать быть собой. Это может достигать варварских форм, когда в противнике видят только врага, которого необходимо уничтожить. До XX века, когда технология ведения войны не успела достигнуть таких высот, еще допускалась возможность видеть в противнике равного себе. Между тем из истории известно, что выдающиеся полководцы нередко отдавали должное мужеству и военной доблести своих противников. Отзвуки этой традиции, пусть и в сильно деформированном виде, наблюдаются и в XX веке. Даже Гитлер однажды смог, оставив нелестные характеристики Черчилля и Рузвельта, дать положительную

характеристику Сталину. В своих очерках по психологии войны Н. Бердяев писал: «Нравственно достойнее на себя взять ответственность за зло войны, а не возлагать его целиком на другого. Нравственно предосудительно слишком уж считать себя лучше другого, в другом видеть злодея и на этом основании оправдывать свою борьбу с ним. В поединке необходимо некоторое уважение к противнику, с которым стало тесно жить на свете. Должно это быть и в поединке народов».

Образ войны как состязания, поединка используется в литературе. Мы обнаруживаем его и у Л. Толстого, и у В. Гроссмана, описавшего чувства Сталина после Сталинградской битвы. До тех пор, пока сохраняется восприятие противника как равного, в стихии войны присутствует элемент игры в высоком философском смысле, а значит, и культуры. По поводу межгосударственных конфликтов с этой трибуны сегодня уже прозвучала критика их разрешения с позиции силы. Правда, профессор Громыко в своем докладе попытался реабилитировать силу. Однако важно, что под этим словом он подразумевает умную и даже мудрую силу: не использовать по любому поводу танки и ракеты, а прежде всего иметь сильную армию — как для гарантии мира в собственной стране, так и, если нужно, для защиты дружественных и нуждающихся в помощи народов. Собственно, так действует и современная американская империя. Так вот, не пугать танками и ракетами, а пускать их в дело лишь в критических ситуациях, когда без них обойтись уже невозможно и все другие способы исчерпаны.

И все же, поскольку мы говорим о культуре, то на первый план здесь выходит не сила, а, как это ни покажется странным, игровой инстинкт. Посмотрите, какая мрачная и жестокая история произошла на Украине — убийство людей в Одессе. Их разрубали на части, когда они, спасаясь от удушья, бросались с верхних этажей вниз. Вакханалия жестокости! Это ведь не компьютерные игры. Судя по всему, обкуренные юные отморозки перепутали живых людей с фигурками на экране. Возможно, это следствие увлечения компьютерными играми. Предупреждал же Маклюэн, что новые мощные технологии имеют такой же эффект, как и взрыв атомной бомбы. Когда выходили его книги, этот тезис трудно было понять. Да, произошел выброс варварства. Конечно, до трагедии, что произошла в Одессе, еще можно было сомневаться, фашизм ли это. Можно было подумать, что пропаганда перестаралась. Но Одесса утвердила в этом мнении. И там, и тут — фашизм. Расхождение только в масштабах. Но большое всегда начинается с малого. А ведь все началось с благородного возмущения народа насквозь прогнившим коррумпированным государством.

Вообще корни войны лежат в мирном времени, в стремлении к обогащению. Об этом хорошо сказал парадоксалист Достоевский. Убежден, что только тогда, когда в войне сохраняется игровое начало, можно констатировать присутствие и культуры, и диалога. Установка на полное уничтожение противника возвращает в доисторию. Этот выплеск произошел и на Украине. В начале XX века русские философы вслед за прогнозами Ф. Ницше (а он пророчил: «будут войны, каких еще на земле не было») пишут о буду-

щем возврате в варварство. Они еще не имеют опыта Первой мировой войны. Кажется, подлинный упадок в варварство — это войны XX века. И все-таки невозможно взять на себя смелость доказывать, что Вторая мировая война была выходом за пределы осевого времени и выбросом варварства, по крайней мере со стороны русского человека, русского солдата. А ведь именно с точки зрения рядового воина предлагал нам смотреть на войну Л. Толстой. Всем известна не прекращающаяся до сих пор дискуссия: кто сыграл решающую роль в достижении победы во Второй мировой? Многие и тогда, и кто-то до сих пор называют Сталина, вспоминая эпизод из фильма М. Чиаурели «Падение Берлина», в котором генералиссимус выходит в белом кителе из прилетевшего из Москвы в Берлин самолета. Но, кажется, сегодня уже никто не сомневается в том, что победителем является прежде всего народ, русский народ. Этот вывод невозможно оспорить.

И все же полагаю, что в данном случае забывают таким важным факторе, как культура. Что же касается народа, то он, конечно, является и творцом, и хранителем культуры. Когда приходится говорить о культуре в связи с войной, то обычно этот вопрос сводят к разрушению в ходе военных столкновений памятников архитектуры. Так, во время Первой мировой войны был разрушен Шартрский собор. Но темой разрушения исторических памятников вопрос об отношениях войны и культуры не исчерпывается. Удивительное дело: культура — это такая тонкая субстанция, которая с трудом поддается окончательному определению. Ее сущность ускользает. В нашей стране возникла даже целая наука, чтобы этот вопрос прояснить. Кажется, до сих пор не прояснили, и может быть, по этой причине с некоторых пор на нее начались гонения. Напрасно. Мы вечно спешим. Не умеем ждать. Между тем определенность культуры и ее предназначение выступают ясно лишь в экстремальных ситуациях, каковой является, в частности, война. Предназначение культуры как раз и заключается в том, чтобы народ в экстремальных ситуациях выживал.

Вторая мировая война была испытанием русской культуры даже в большей степени, чем Первая. Испытанием на прочность. Мною уже отмечено, что тема «война и культура» стала актуальной с начала Первой мировой. В 1914 году И. Сыгин даже выпустил серию изданий под этим названием, в которой печатались такие мыслители, как Е. Трубецкой, Н. Бердяев, И. Ильин, С. Булгаков, В. Эрн и др.

Все-таки война не перечеркивает диалога, как она не исключает и культуру. Она только на краткий миг затрудняет диалог. Ведь диалог между цивилизациями происходит не в кратких периодах времени. Вторая мировая война — лишь миг в истории, если понимать ее как историю цивилизаций. Диалог развертывается на протяжении столетий, в большом историческом времени, и прежде всего на уровне ментальностей. Я хочу остановиться именно на ментальном факторе. У каждой цивилизации собственная ментальность. Как утверждал немецкий историк Трёлльч, это очень тонкая субстанция. Носителю одной ментальности трудно понять другую. Цивилизации никогда до конца не понимают друг друга. Это мы сегодня ощущаем как

никогда раньше. В случае с Украиной не хватает понимания со стороны Запада. Нам навязывают монолог. Но диалог все-таки должен сохраниться. В историческом времени он является перманентным.

Любопытно, что выход за пределы диалога можно предвидеть. В самом деле, то, что, например, произошло в XX веке с Россией и Германией, было спрогнозировано еще в XIX веке. Возвращение в варварство в XX веке предсказывал не только Ф. Ницше. Так, М. Бакунин дал более конкретный прогноз — неизбежное столкновение России и Германии. Он исходил именно из разных типов ментальности. Более того, из ментальности тех народов, которые могут претендовать на лидерство в мировой истории. Нельзя забывать, что М. Бакунин сделал свой прогноз в ситуации восхождения Германии. Когда читаешь «Речи к немецкой нации» И. Фихте (а они являются ярким документом идей модерна), убеждаешься, что существует не только русская, но и немецкая идея. Исходя из программы пересоздания человечества, провозглашенной модерном, И. Фихте усматривал в немцах тот авангард, с которого это пересоздание начнется. Предназначение человеческого рода, по И. Фихте, заключается в том, чтобы народ сделал себя тем, чем он является изначально. Такое самосозидание должно начаться первоначально в каком-то конкретном народе. Конечно, как убежден философ, оно начнется с немцев, но затем должно распространиться на все человечество. Так судьбы человечества были поставлены в зависимость от немцев. Оставалось под эту идею подвести имперский фундамент.

Мы далеко ушли от этой исторической ситуации. Сегодня на роль авангарда в мировой истории претендуют уже другие страны. Но то, что произошло в свое время в Германии, поучительно. Когда на арене истории появился тот самый заурядный человек, человек массы, о котором пишет Х. Ортега-и-Гассет, идея И. Фихте получила иную интерпретацию. Так, в работе «Немецкая культура и война» историк А. Дживелегов, касаясь возникновения Первой мировой войны, писал: «Ему (немцу. — *Н. Х.*), наученному покорно выносить все, дали почувствовать собственную силу; он стал наглым. Его, привыкшего постоянно терпеть поношения, сделали победителем. Его, еще недавно преклонявшегося перед культурой Франции, с триумфом провели через победенную страну: он преисполнился верою в немецкий гений и в звезду Германии». Психология фашиста созрела, оставалось только проявиться. Она была институционализирована, под нее был подведен имперский фундамент, и она сполна проявилась в столкновении со славянским миром в двух мировых войнах. Возникла проблема «своего» и «чужого», сформулированная сегодня на этой трибуне академиком Гусейновым. По части лидерства антагонистами, по М. Бакунину, оказывались именно Россия и Германия. Россия связывается с анархией, стремлением к свободе, а Германия представляется бастионом охранительных установок, что не является такой уж неправдой. Как доказывал М. Бакунин, антагонистом Германии может быть только решительно негосударственный славянский народ. В отличие от немцев — народа завоевательного, славяне преимущественно мирные земледельцы. Воинственный дух им чужд, как чужд им и дух государственности, носителями которого, по его

мнению, славяне быть не могут. Если первый импульс немцев — укреплять государственность в собственной стране и распространять государственный императив на всем Западе, то славянам присущи неприятие государства и стремление к вольнообщинному крестьянскому миру. В ментальности славян существует стремление к общей свободе и человеческому братству на развалинах всех существующих государств. Хочется эту мысль М. Бакунина подчеркнуть. Он констатировал одну очень важную черту русской ментальности — стремление к общему человеческому братству.

Что же это за черта? В какое время она сформировалась? Присуща ли она только русским или еще каким-либо народам? Ответы на эти вопросы уже не исчерпываются ментальностью. Это вопрос культуры. Ментальность — лишь психологический аспект культуры. М. Бакунин обратил внимание на один признак целой культурной традиции. Он, конечно, имеет место, но всей традиции не исчерпывает. Когда же мы пытаемся эту традицию постичь, то отдаем себе отчет в односторонности вывода М. Бакунина. Выявление этой традиции свидетельствует, что братское чувство предполагает отнюдь не только антигосударственные установки, но и государственный императив. А это уже не столько западная, сколько византийская традиция. Представляется, что А. Тойнби пронизательно улавливает активность византийской традиции в России не только в Средние века. Он видит ее даже в установках русского марксизма. То, что русские в Средних веках называли себя Третьим Римом, подхватив эстафету у Византии, всем известно. Но едва ли этот факт до конца осмыслен — по той причине, что ментальность в ее цивилизационном проявлении длительное время не была предметом внимания. Полное осмысление ментального комплекса русских, возникшего еще в Средние века, в современной ситуации оказывается неудобным. Ведь это не соответствует либеральным императивам. Оно может привести к обострению отношений России с Западом в период активной ассимиляции в России либеральных ценностей. Оно неудобно сейчас и не было удобно на протяжении всего XX века, хотя сами русские очень хотели это преодолеть, о чем свидетельствуют эпоха «оттепели» и реформы Горбачева. Может быть, это и определяет то непонимание России со стороны Запада, которое мы сегодня ощущаем в истории с Украиной. Может показаться, что в данном случае речь идет о несходстве не между культурами, а между государствами. Но дело в том, что политическая культура является частным проявлением общей культуры.

Констатируя имперское начало, мы имеем в виду и культуру тоже. Принимая эстафету у Византии, возводя Третий Рим, русские добровольно, в соответствии с логикой этой эстафеты, принимали ответственность за судьбу остальных народов — неважно, нуждались они в этом или нет. Такова логика подхваченной русскими эстафеты. Эта ответственность потребовала колоссального напряжения и, разумеется, собранности, концентрации всех духовных и физических сил, а также, что печально, ограничений свободы. Позднее это привело к тому, что ценности либерализации, сколь бы соблазнительными они ни были, здесь развиться не могли. Может быть, именно этим ограничением

свободы можно объяснить то обстоятельство, что русские, вопреки утверждению М. Бакунина, оказались способны построить сильное государство, а точнее, одну из могущественнейших империй мира, хотя, казалось бы, добровольно взятое на себя психологическое бремя русских не соответствовало этому. Но такой оказалась логика истории независимо ни от каких идей. Может быть, именно потому, что такая государственность в ее византийской форме, выразителем которой был Сталин, разгадавший вторую сторону ментальности русских, была воздвигнута, русские и смогли защитить себя, выстоять во Второй мировой войне. Во всяком случае, такая точка зрения в литературе высказывается, несмотря на критику Сталина. Как свидетельствует А. Солженицын, Сталин понимал, что народ в ходе войны совершал подвиги не ради того, чтобы отстоять большевистскую идеологию и идеи коммунизма. Народ спасал жизнь, свою историю и культуру. Поэтому и начали появляться в литературе и кино образы героических предков. История была реабилитирована. В народном сознании возрождался героический миф, без которого нет патриотизма. Миф как составляющая культуры. Миф, в котором настоящее не отделялось от героического прошлого. Так война трансформировалась в сакральный ритуал. И это многое определяло.

Но вернемся к византийской традиции. Поскольку Рим второй был империей, то такова и судьба русских: Россия тоже должна быть империей. Казалось, что такая твердыня гарантировала осуществление задачи — ответственности за судьбы мира. Это и есть мессианизм. Его невозможно отрицать. Империя воспринималась как залог прочности и стабильности не только российского универсума, но и всего мироздания. В данном случае культура и сила — мудрая сила! — объединились. Такова ментальная формула русской культуры.

Таким образом, в русской ментальности имеется протейческое начало. В зависимости от исторических обстоятельств эта ментальность способна проявляться по-разному: и как стремление к разрушению государства, и как необходимость его укреплять. Это особенность и русской цивилизации, и сформированной в этой цивилизации культуры. Данная особенность не имеет адекватного осмысления и совершенно не воспринимается как особенность культуры. Это и не удивительно. Ведь войны XX века осмысляются исключительно в границах политической истории, а не в границах истории цивилизаций, развертывающейся в больших периодах. Между тем только сопоставление событий, происходящих в разные эпохи, позволяет выявить вневременные, повторяющиеся ментальные особенности. При этом история культуры не является какой-то особой, отдельной от истории государства. История государства — частная история культуры, ее проявление, так что ее нельзя свести к установкам лишь правящей элиты. Упавшая на плечи русских ответственность не только вменяется властной элитой, но и добровольно принимается всеми. Это и позволяет утверждать, что для ментальности русских такая ответственность становится значимой.

Взваливая на свои плечи ответственность за судьбу не только своей страны, но и всего мира, всегда ли в ре-

альной истории русские оказывались способны ее осуществить? Иногда это получалось, но чаще всего нет. Тем не менее в русской истории, в народном сознании значимыми являются лишь те события, которые подтверждают эту идею ответственности за судьбы всего мира. Вторая мировая война явилась для русских в высшей степени исключительным событием, имеющим и ментальный, и культурный, и планетарный смысл. Это событие выходит за пределы секуляризированной истории, воспринимаясь в сакральной ауре. Поэтому к ней постоянно обращается искусство, все более превращаясь в наше время в развлечение.

Вторая мировая война не подтвердила идею М. Бакунина об анархизме и антигосударственности русских. Вторая мировая война — не столкновение народа-анархиста с народом-государственником. В том-то и дело, что в экстремальной ситуации русские продемонстрировали себя государственниками не в меньшей мере, чем немцы.

Несколько слов по поводу продолжения диалога, угрожающего перерасти в войну между цивилизациями уже в наше время. В случае с Украиной мы убеждаемся в том, что при активном желании России сохранить с Западом диалог проблема непонимания остается реальной. Колоссальную роль в непонимании и расхождениях в оценке событий продолжает играть усвоенная Западом еще в эпоху Просвещения идея модерна. А модерн, как известно, исходит из идей разума, необходимости разрушать кажущиеся устаревшими государства и приводить их в соответствие с установками разума. Разум же Запада — либеральный, рыночный. Значимость культуры для жизни общества начала осознаваться поздно. Смысл культуры в эпоху Просвещения, то есть модерна, еще только начал открываться, да и то отдельными мыслителями вроде Гердера. Модерн в принципе исходит из разума, а не из культуры.

Сегодня наиболее последовательным проводником идей XVIII века продолжает оставаться Америка. Это и не удивительно. За плечами этой страны нет истории, нет многовековой культуры, поэтому она легкомысленно ориентируется на разрушение государств с помощью «оранжевых революций». Проблема, однако, заключается только в том, что вместе с государственной традицией разрушаются и культуры. Поэтому вместо разума и порядка после таких революций в странах с многовековой культурой не торжествует разум, а царит хаос и проливается кровь. Все это мы наблюдаем сегодня. Значение Второй мировой войны в истории, понимаемой как история цивилизаций и перманентного диалога между ними, заключается еще и в том, что она продемонстрировала активность культуры. Значительную роль в ней сыграл не только технологический фактор. Важно иметь в виду способность культуры вызывать к жизни и ту традицию, которая, казалось бы, уже успела уйти в прошлое, и выживать в экстремальных ситуациях. Вот какие уроки преподает история мировых войн в XX веке.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо большое. Уважаемые коллеги, завтра работа нашего форума продолжится в секциях. Приглашаю всех принять в ней деятельное участие.